

18+

А. В. Багров
Том 2. Раскол Вечности

ПЕПЕЛ
И
СУМЕРКИ

Артём Багров

**Пепел и сумерки. Том
2. Раскол вечности**

«Издательские решения»

Багров А. В.

Пепел и сумерки. Том 2. Раскол вечности / А. В. Багров —
«Издательские решения»,

Иногда самое страшное — это не умереть. Самое страшное — открыть глаза и понять, что умирать больше нечему. Лёша больше не ищет спасения. Он стал эпицентром войны, где древние законы мироздания стирают друг друга в пепел, а человеческое тело превращается в поле боя. Эта книга — не о том, как человек побеждает богов. А о том, как пустота внутри человека становится тем, чего боятся сами боги.

Содержание

Предисловие. Тот, кто помнит всё	6
Глава 22. Без смысла нет и бытия	7
Глава 22.1 Запись протокола «Чёрный Лес»	14
Глава 22.2 Обязательство	16
Глава 23. Сквозь разбитое зеркало	20
Глава 23.1 Последняя точка опоры	25
Глава 23.2 Тень агентства	31
Глава 24. Перегрузка	34
Глава 24.1 Этот вид я не забуду никогда	41
Глава 25. Погрешность	43
Глава 25.1 Аномалия	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пепел и сумерки. Том 2. Раскол вечности

Артём Васильевич Багров

© Артём Васильевич Багров, 2026

ISBN 978-5-0070-2024-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0068-4912-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. Тот, кто помнит всё

Есть вещи, которые умирают не от времени, а от её осознания.

Мы можем потерять веру, имя, и тело — но самое страшное теряется намного тише: это наше собственное отражение. Когда ты смотришь в зеркало и не узнаёшь того, кто смотрит на тебя в ответ. Когда прошлое кажется чужим, а будущее — ненужным. Каждое мгновение, которое ты считал настоящим, может оказаться лишь эхом чужой истории, оставленной в памяти, где нет покоя, только бесконечное возвращение к утратам.

Память — не хранитель, а тюрьма. В ней нет света, есть только слабое мерцание того, что уже давно угасло. Мы держимся за неё, как за спасение, но она лишь снова и снова заставляет переживать то, что должно было умереть. И чем крепче мы цепляемся за воспоминания, тем сильнее они утаскивают нас вглубь, заставляя сомневаться в себе, в своих решениях и в самой сущности того, кем мы были.

Сила, что живёт в этом мире, не просто даёт власть — она оставляет шрамы внутри. Она не спрашивает, достоин ли ты, — она просто входит в тебя и ждёт, когда ты перестанешь сопротивляться. Если первая встреча с ней — испытание, то всё, что следует после, — расплата. Потому что каждый, кто коснулся её, уже не человек в прежнем смысле. Становится невозможно отделить страх от знания, боль от понимания, желание от необходимости. И чем сильнее ты пытался сохранить себя, тем глубже оставила тебя Сила, меняя, ломая, и переписывая твоё сознание.

Ведь мы любим думать, что путь ведёт к истине. Но что такое эта истина? Какова она на самом деле? И что же ждёт всех нас? Истина встречает нас посреди пути — тогда, когда уже поздно вернуться, когда начинаешь понимать, что весь пройденный путь был лишь подготовкой к падению. И падение — неизбежно, потому что любая встреча с силой оставляет след, который нельзя стереть ни временем, ни смертью, ни забвением.

Мы живём среди теней, но иногда эти тени — единственные, кто по-настоящему запомнит нас такими, какие мы есть. Пепел прошлого не угаснет никогда. Он будет дышать в каждом шаге, в каждом взгляде, в каждом молчании. Пепел шепчет о потерях, о том, что невозможно исправить, о том, что нельзя вернуть.

Сила не спрашивает прощения. Она лишь наблюдает, как мы пытаемся идти дальше, как пытаемся жить с тем, что когда-то разрушило нас изнутри. И в этом непрекращающемся движении, в этой неизбежной боли, получается то, что остаётся человеческим. Единственное, что ещё делает нас людьми, — это способность не забывать, даже когда память становится болью, когда прошлое тянет вниз, когда каждый шаг напоминает о том, что никакого возвращения нет.

И, возможно, только те, кто помнит, кто несёт пепел прошлого, способны понять: не в том смысл пути, чтобы достичь конца. А в том, чтобы идти, зная цену каждой воспоминаний, каждого шрама, каждого выбора, который никогда не стирается.

Глава 22. Без смысла нет и бытия

Мир застыл.

Земля была израненной — иссохшей, потрескавшейся, словно под кожей у неё жили старые шрамы, не успевшие зажить. Она парила дымом, выдыхая в небо последние остатки жара, как будто пыталась избавиться от всего, что напоминало о былой жизни. Из глубоких трещин поднимался слабый пар — не тёплый, не холодный, просто существующий, как дыхание умирающего зверя.

Воздух был густым, вязким, будто смешанным с пеплом и кровью. Каждое дыхание резало горло, оставляя во рту вкус ржавого железа. Гарь впиталась в кожу, в волосы, в дыхание, и казалось, что она навсегда останется в теле. Ветер не дул — он ползал, как живое существо, обвивая всё вокруг влажной дымкой.

Пепел висел в небе, как память о чём-то забытом, как пыль воспоминаний, что никак не осмелится осесть. Он кружился медленно, бесцельно, ложась на землю тонким серым слоем, похожим на снег, который больше не несёт надежды. Иногда в воздухе вспыхивали крохотные искры — тлеющие остатки того, что когда-то горело. Они мигали и гасли, не оставляя света, будто даже пламя устало быть живым.

Каждая трещина в земле казалась раной — глубокой, зияющей, наполненной густой чернотой. Из некоторых сочилась тёмная жидкость, похожая на воду, но с запахом гнили и металла. Влажные следы медленно растекались, и казалось, что сама земля плачет — не о павших, а о себе.

Где-то вдали мелькал мёртвый свет. Не отражение солнца — его здесь больше не было — а призрачное сияние, оставшееся от чего-то, что горело слишком ярко, чтобы просто исчезнуть. Оно дрожало в воздухе, словно мираж, и от этого казалось, что сам горизонт изломан, как стекло после удара.

Всё вокруг было реальным лишь наполовину. Контуров вещей расплывались, цвета выцветали, звуки глохли, не дожив до конца эха. Мир будто стоял на грани между существованием и забвением — не решаясь выбрать, стоит ли ему продолжать дышать.

На безмолвном поле лежало тело.

Когда-то — человек. Теперь — пустая оболочка, в которой угасло даже посмертное эхо.

Земля вокруг была изрезана следами боя — обугленные воронки, почерневшие деревья, редкие всполохи тлеющих углей, что медленно умирали в грязи. Воздух стоял плотный, вязкий, словно из самого неба выжгли дыхание. В этом мёртвом мире всё казалось замершим — даже ветер, казалось, не решался коснуться того, что осталось от живых.

Валера лежал на спине, чуть скособоченный, будто сам вес его тела стал непосильным. Кожа побледнела до серого, холодная, почти прозрачная; по виску стекала тёмная полоса засохшей крови, смешанной с грязью. Его рот был приоткрыт — не в крике, не в мольбе, а будто в попытке вдохнуть что-то, чего здесь больше не было. Изнутри тянулась тьма — густая, медлительная, обретшая почти телесную плотность. Она сочилась изо рта и ноздрей, медленно оплетала его лицо, собиралась на шее и груди чёрными жилами, а потом стекала вниз, как раскалённая смола.

Тьма оседала на землю, шипела, словно вступала в спор с самой почвой. Глина под ним чернела, покрываясь тонкой плёнкой, будто подо льдом. Изредка можно было услышать еле уловимый звук — нечто среднее между дыханием и хрипом, как если бы сама ночь шептала в ответ.

Глаза Валеры были открыты. Белки потемнели, зрачки расплылись, но в глубине всё ещё таился крохотный, почти неразличимый отблеск. Он дрожал, как угасающий уголёк, застрявший в пепле. Не взгляд, не жизнь — лишь след её, оставшийся на стекле мёртвого мира.

Лёша стоял рядом, не двигаясь. Его тень падала прямо на тело, растягиваясь вдоль поля, пока ночь поглощала очертания. Он смотрел — не моргая, не думая, просто фиксируя факт того, что когда-то было другом. В груди ощущалось что-то тяжёлое, глухое, похожее на звон металла под водой.

И вдруг — в этой абсолютной тишине — тьма дрогнула.

Одна тонкая ниточка, стекавшая с подбородка Валеры, на мгновение остановилась, будто сопротивляясь гравитации, и кольхнула в сторону, как дыхание под кожей. Едва заметное движение, но достаточно, чтобы Лёша сделал шаг ближе.

Он наклонился — и увидел, как губы Валеры едва конвульсивно сжались, словно что-то внутри пыталось выдавить последнее слово. Или вдох. Или зов. Это длилось меньше секунды — но в этот миг Лёша почувствовал, как мир снова стал живым. Птицы не пели, воздух не колыхался, но внутри, где-то на границе между верой и безумием, вспыхнуло короткое, большое осознание: он ещё здесь.

Может, это был просто ветер. Возможно обман зрения.

Но тело не выглядело мёртвым — оно выглядело ожидающим.

Лёша медленно выпрямился. Тяжесть в груди сдавила дыхание. Он не хотел верить — и не мог отвернуться.

Кожа серела, покрывалась трещинами, будто медленно превращаясь в камень, теряющий остатки тепла. Каждая трещинка, каждая линия будто впитывала в себя последние следы жизни, оставляя только пустоту и холод. Казалось, даже земля под ним избегала прикосновения, отступая, словно опасаясь принять в себя то, что вытекало изнутри.

Тьма медленно сочилась изо рта, стелилась по лицу, собираясь вязкими, липкими слоями, будто сама реальность не хотела признавать смерть. Она впитывалась в землю, скользила по одежде, оставляя следы, которые словно жили своей собственной жизнью, шепча что-то тихое и неизъяснимое.

Ветер проходил сквозь него, как сквозь дым, потревожив не вещество, а пустоту. Он не чувствовал ни холода, ни запаха, ни боли — лишь гул, глубокий, монотонный, похожий на дыхание самого мира, и тихое, глухое биение в груди, будто сердце чужое, но продолжающее стучать в нём, не признавая смерти, не желая подчиняться закону природы.

Перед ним, среди этого безмолвного хаоса, стоял Альвион.

Белая тьма. Его силуэт казался едва уловимой трещиной света в густом, едком дыму, который душил всё вокруг. Пространство дрожало, искажалось, будто реальность не выдерживала его присутствия. Воздух был плотным, холодным, но это был не мороз — это было ощущение пустоты, полной, бесконечной, где жизнь больше не могла существовать.

Каждый вдох Лёши отдавался тяжёлым эхом, а взгляд на Альвиона — болезненной резкой в груди. Белая тьма стелилась по земле, не касаясь, но притягивая, словно сама жизнь пыталась отступить от него, растворяясь в холодном сиянии. Тень, казалось, шевелилась независимо, растекаясь и собираясь обратно, вбирая в себя всё, что ещё оставалось живым.

Между ними не было обычного расстояния — был только густой, невидимый канат напряжения, который тянул Лёшу к неизбежности. Он ощущал, что всё, что осталось в этом мире, всё живое, всё, что он знал, завершится здесь. И в этом молчании, среди трупов и дыма, мир словно замер, дрожа перед тем, что должно случиться.

— Ты справился с задачей, Алексей. — Голос Грисумбры прокатился внутри головы, холодный и пустой, словно сквозняк в заброшенном храме. — Я разрываю договор между нами, с этой минуты договор недействителен.

В его голосе не звучало ни гнева, ни воли. Только ровная, отмеренная пустота, похожая на приговор.

Лёша не вздрогнул. Голос Грисумбры проникал в него, но не потрясал — словно ледяное ядро, пропущенное через сердце, оставляло лишь холодное пустое пространство. Внутри него

не было ни страха, ни злости, ни даже сомнения. Он ощущал только биение собственного тела, ровное и чуждое, будто наблюдая за собой со стороны.

Кожа на руках мурашками покрылась от неосязаемого ветра, который не дул, а проходил сквозь него, проникая в кости и сознание. В груди тяжело давило, но это не было болью — это была тьма, отвечающая на голос Грисумбры, словно мир сам проверял, готов ли он идти дальше.

— Ты обманул меня, Грисумбра. — Голос Лёши не имел эмоций, он был переполнен пустотой. — Ты ответишь за это.

Слова эхом разлетелись по мёртвому полю, но не потрясли воздух — скорее, казалось, что само пространство прислушалось, как к предвестию катастрофы. Его взгляд был пуст, но в этой пустоте читалась холодная, точная решимость.

Тьма внутри него зашевелилась, отвечая на голос, растекаясь по венам и кости, словно живое существо, готовое к действию. Ветер, несущий пепел и запах гарью, остановился на мгновение, как будто мир замер, чтобы увидеть, что сделает тот, кто уже давно перестал быть человеком.

Каждое движение тела Лёши было лишено привычной человечности — руки сжались, плечи застыли, дыхание стало ровным, почти нечеловеческим. Он был тишиной, прежде чем грянет буря, холодным и неизбежным, готовым к финальному столкновению с Альвионом. Но нужно ли готовиться к этому столкновению?

Лёша почувствовал, как тьма скользит в его глазах, затмевая свет и смещая реальность, будто она перестала принадлежать ему. Мир вокруг расплзался, растекался в вязкий, холодный туман, и казалось, что сама земля под ним отвернулась, чтобы не соприкоснуться с его существом. Каждое движение становилось непослушным, тело отказывалось быть его — мышцы дрожали, колени предательски подкашивались, словно он не сам падал, а его заставляла падать невидимая рука.

Сознание вытекало из него постепенно, оставляя за собой пустоту, в которой эхом отдавались прошлые страхи, воспоминания, сожаления. Тошнота сжимала грудь, холод пробирал до костей, и каждый вдох давался с усилием, как будто воздух был чужим и отравленным. Лёша ощутил, что больше не существует границ между его телом и пространством вокруг: всё сливалось в один мучительный, вязкий поток отчуждения.

Последнее, что он видел, было белое сияние Альвиона, не просто свет, а сама его сущность, давящая, проникающая в каждый уголок сознания. Силуэт не просто смотрел на Лёшу — он вгрызался в его разум, сканировал, вытаскивал страхи и надежды, смешивая их с холодной пустотой. Казалось, что его душа раскалывается, а мир сжимается, становится узким туннелем, через который он падает бесконечно.

Внутри Лёши бушевало странное ощущение — одновременно боль, пустота и осознание собственной ничтожности. Его голос, если бы он пытался произнести хоть слово, утонул бы в этой черно-белой давящей пустоте. Каждый биение сердца отдавалось эхом в пустоте, которая становилась всё гуще и гуще. Он не падал в бездну — он уже был в ней.

И тогда всё окончательно поглотилось: свет, холод, тело, разум — всё слилось в одну бесконечную, немую тьму. Последнее, что оставалось перед этим, — взгляд белого силуэта, сквозящий прямо в самую сущность Лёши, заставляя почувствовать, что он больше никогда не будет тем, кем был раньше.

Тьма, поглотившая Лёшу, начала меняться. Она больше не была пустой бездной — наоборот, обрела плотность, вес, почти материальность. Казалось, что она дышит. Медленно, глубоко, чуждо.

Сначала он подумал, что просто висит в ничто, но затем понял — стоит. Под ногами ощущалась поверхность, холодная и ровная, словно стекло, которое никогда не знало прикос-

новения живого. Каждый шаг отзывался едва слышным эхом, будто пространство само прислушивалось к нему.

Тьма не была мраком — она была пространством, глухим, вязким, беззвучным, но странно осязаемым. В ней не было движения, но она давила, будто старалась проникнуть под кожу, заполнить собой лёгкие и мысли.

Вокруг не было ни горизонта, ни верха, ни низа — только бесконечная, идеально плоская поверхность, уходящая во тьму. Мир выглядел как бесконечное зеркало, которое забыло, как отражать.

Лёша не понимал, где находится. Лишь одно было ясно: это место не принадлежит живым. И всё же оно знало его. Слишком хорошо.

Лёша медленно поднял голову — и замер.

Перед ним стоял он сам. Не тот, кем он стал сейчас.

А тот, кем был когда-то.

Двойник возвышался всего в нескольких шагах, словно ждал его не секунды, а века — терпеливо, неизбежно, как тень, которая никогда не переставала идти следом.

Его лицо... оно было почти болезненно знакомым. Кожа живая, тёплая, с лёгким румянцем, каким Лёша даже не помнил себя. На губах — почти незаметная человеческая улыбка, мягкая, будто обращённая к дорогому другу.

Но больше всего поразили глаза.

Глаза двойника сияли той самой искрой человечности, которую Лёша давно похоронил. Там была не просто теплота — там были чувства. Настоящие. Боль, нежность, страх, стремление — всё, что Лёша вытравил из себя безжалостной необходимостью.

Смотрел двойник не как враг.

Не как отражение.

Он смотрел так, будто видел всё, что Лёша потерял... и жалел его.

Взгляд был слишком живым, слишком настоящим — настолько, что это причиняло боль. Казалось, будто перед ним стоит не копия, а единственный человек в мире, кто помнит, кем он был до того, как тьма разорвала его изнутри.

И в присутствии этого живого образа Лёша ощущал себя чем-то иным. Холодным. Пустым. Поломанным.

— Ты пришёл, — сказал двойник тихим, и ровным голосом. Никаких угроз и давления не было — только честность.

Лёша молчал. Его внутренний голос исчез, растворился, оставив лишь густую, давящую тишину, в которой мысли не звучали, а скользили, как отражения в мутной воде. Всё вокруг казалось пустым, лишённым смысла, но в этой пустоте он ощутил присутствие.

Перед ним стоял его двойник. Он приближался медленно, словно считая каждый шаг, чтобы не потревожить нечто сокровенное. Лицо было живым, мягким, знакомым — таким, каким оно когда-то было, до того как холод опустился на Лёшу. В глазах блестела теплая человечность, та самая искра жизни, которую он давно забыл.

Каждое движение двойника отдавалось в Лёше странным, болезненным эхом. Оно казалось одновременно успокаивающим и тревожным. Лёша ощущал, что присутствие этого живого отражения не просто чуждо, оно пробуждает то, что он сам давно похоронил. Не эмоции, не страх, а память о себе, о человеке, которым он когда-то был.

Всё в этом образе резало по глазам, как свет, проникающий в заброшенное помещение. Он давил на разум, вытаскивал из глубин сознания забытое и запретное, заставляя Лёшу чувствовать, что пустота, которой он был окутан, не может больше быть полной. Присутствие двойника было одновременно обвинением и напоминанием, что он больше не тот, кем казался. И каждый шаг вперед сдвигал его с холодной, ровной поверхности внутреннего мира, заставляя почувствовать зыбкость и шаткость того, что он считал вечным.

— Посмотри... — он наклонил голову, будто изучал Лёшу. — Посмотри на меня. Ты помнишь такого себя? Посмотри на себя теперь.

Он поднял руку, и мир вокруг дрогнул, словно дыхание затихшего океана. Пространство напряглось, и тьма, которая до этого плотно обволакивала Лёшу, разошлась мягкой, но непостижимой волной, как будто сама ткань реальности колебалась под прикосновением его мысли. Перед ним возникло зеркало — высокое, чёрное, словно вырезанное из самой ночи, поглощавшее свет и пространство вокруг. Оно не отражало привычное, не показывало физическую форму. Внутри него плескалась глубина, которая была холодная и непостижимая, в ней было отражение чего-то чуждого и одновременно знакомого, ждавшего своего часа, чтобы встретиться с Лёшей лицом к лицу.

Зеркальная поверхность дрожала, словно живая вода, и в её глубине уже угадывался силуэт, ожидающий своего раскрытия. Оно манило, давило и одновременно пугало, обещая не ответы, а откровения, которые Лёша не был готов принять.

Лёша медленно приблизился к зеркалу, и взгляд его остановился на отражении.

Глаза.

Точнее — их полное отсутствие.

Вместо живого, человеческого взгляда перед ним горела бесконечная тьма. Не просто пустота, а что-то чуждое, глубоко неправильное, что не поддавалось логике и ощущалось чужеродным во всём теле. Казалось, что эта тьма не просто поглощает свет, но вытягивает из самого Лёши остатки души, сканирует каждую мысль, каждое чувство и оставляет лишь холодный вакуум. Там не жили эмоции, не прятались воспоминания — там был голод, ожидание, безмолвная ярость, которую невозможно остановить, невозможно приручить.

Лёша ощутил, как лёгкое шевеление в груди превращается в пустоту. Сердце словно пыталось биться, но его удары были эхо в пустоте. Внутри него ожила тьма, о которой он до этого не подозревал, — и она смотрела на него прямо из зеркала. Он не узнал себя.

Рядом стоял его двойник. Его взгляд был спокойным, почти человеческим, и в нём отражалась печаль — чувство настоящее, живое, которое Лёша уже давно потерял, которое ему больше не было дано испытать. Этот взгляд словно ткнул его в самое сердце, показывая, каким он был раньше, каким мог быть, если бы тьма не поглотила его.

Лёша почувствовал странное сочетание отвращения и горечи, осознание того, что тот, кто стоял перед ним в зеркале, был одновременно им самим и не им. Он не мог отвести взгляд — тьма в отражении манила, и одновременно ужасала. Казалось, что если он взглянет глубже, она поглотит его окончательно, растворит и оставит лишь пустое тело, застывшее в собственном безмолвии.

И тогда двойник заговорил тихо, почти шёпотом, и слова его проникли в сознание Лёши, оставляя после себя тяжёлый, но странно живой отклик. Словно напоминание: где-то там, глубоко внутри, ещё остаётся он сам.

— Ты видишь это? — спросил он. — Ты позволил себе уничтожить смысл своего существования...

Лёша будто хотел что-то сказать, но горло не слушалось — даже здесь, в собственном сознании.

— Ты... ты ещё можешь остановиться. Перестань злоупотреблять эмоциями. Прошу тебя...

Внезапно за спиной двойника поверхность мира дрогнула. Пустота задрожала, словно воздух перед надвигающейся бурей, и из неё начали подниматься волны — тяжёлые, медленные, почти осязаемые. Они казались не просто водой, а физическим проявлением сна, огромной массой энергии, которая пыталась выдавить Лёшу из самого сознания. Волны росли, их вершины блестели холодным серым светом, а воздух вокруг заполнялся густой влагой, будто сама ткань сна сгущалась и сжималась.

Лёша сделал шаг назад, но его ноги подчинялись чужим законам — под ним словно не было земли. Тяжесть мира давила на грудь, и он рухнул на колени, не в силах удержаться. Сердце билось неравномерно, каждый удар отзывался глухим эхом, отражавшимся в пустоте вокруг, будто сам воздух хотел разорвать его изнутри.

Первый звук прорвался сквозь сон — глухой, оглушающий, раскатывающийся по всему телу, как удар под водой. Он вибрировал в грудной клетке, стучал в голову и одновременно растекался по коже. Волна боли, давления и странного холода накрыла Лёшу целиком, заполняя каждую клетку тела и сознания.

Сильная тошнота вырвалась из глубин его существа. Она поднималась медленно, а затем обрушилась лавиной, переворачивая внутренности, выворачивая сознание. Казалось, что сам сон пытается отторгнуть его, как чужеродное тело, не принадлежащее этому пространству. Лёша чувствовал, как внутренности скручиваются, легкие сжимаются, а голова гудит и раскалывается.

Глаза помутнели, перед взором возникло водяное дрожание, а уши заложило, каждый звук — даже тишина — отдавала удушающим эхом. Пространство закружилось, превращаясь в бешеный, рвущийся водоворот, в котором свет и тьма смешивались, оборачиваясь серой, мутной массой.

Двойник стоял перед ним, неподвижный и тихий, взглядом человеческим и мягким, каким Лёша когда-то видел у себя в зеркале. Но его присутствие не приносило утешения — оно лишь подчёркивало чуждость происходящего. Двойник смотрел сверху вниз, спокойно, внимательно, с печалью, но с пониманием — и он не делал ничего, чтобы остановить происходящее, не протягивал руку, не шептал слова поддержки.

И Лёша понимал — это не только физическая боль, не только тошнота или вращение сна вокруг него. Это пытка сознания, проверка его сущности. Волны усиливались, взбивая воздух и пространство, они достигали вершины, готовые обрушиться, а Лёша падал всё глубже внутрь себя, в собственную беспомощность и страх, в ощущение того, что он больше не владеет телом и разумом, что мир сжался до одного момента ужасающей и немой бездны.

Я теряю смысл.

Это слово вдруг стало не мыслью, а тяжестью, навалившейся на грудь.

Да... он ведь прав.

Прав в той холодной, неоспоримой правде, от которой невозможно отвести взгляд.

Я ведь когда-то знал, зачем дышу, зачем просыпаюсь, и зачем иду дальше. Я знал, что значит хотеть, бояться, ненавидеть, и любить. Я помню — или мне лишь кажется, что помню? — тепло внутри, которое хоть чем-то отличало меня от пустоты.

Теперь же... я почти ничего не ощущаю. По крайней мере, я не думаю, что это действительно так.

Я действительно теряю смысл.

Он уходит тихо, как последний свет в комнате, когда кто-то медленно поворачивает выключатель.

Мне остаётся только наблюдать — и даже это наблюдение лишено чувств. Остаётся только пустое понимание факта, но не окрашенное эмоциями.

Без эмоций нет жизни.

Без жизни нет причины быть.

И я больше не уверен, есть ли у меня хотя бы одна причина продолжать искать его. Как же быть?

Сознание возвращалось медленно, словно из глубин тёмной воды. Сначала Лёша уловил только звук — далекий, глухой грохот, будто кто-то стучал молотом по стенам самого мира. Он повторялся, растягиваясь, превращаясь в ритм, который проникал в тело и душу одновременно. Второй удар, третий... цепочка взрывов, каждый из которых посылал невидимые волны

сквозь мышцы, кости, прожигая всё живое внутри, заставляя сердце дергаться в ритме чужой боли.

Лёша попытался вдохнуть. Вдох вырвался, но сразу же обернулся резким всплеском боли, охватившим всё тело, как если бы сама реальность разорвала его плоть на куски. Огненные волны медленно растекались от груди к конечностям, ломая мышцы, разрывая сухожилия, пока каждая клетка не кричала одновременно. Его глаза невольно сжались, губы дрожали, но звука почти не вышло — лишь слабое шипение, которое казалось одновременно и собственным, и чужим.

Голова гудела, словно огромный колокол бил прямо внутри черепа, каждый удар резал сознание на острые куски. Всё тело подчинялось чужой воле, не желая двигаться, не желая существовать. Внутри Лёши возникло странное, тревожное ощущение: он ещё чувствует — но это чувство было слабым, как отголосок того, кем он когда-то был.

Он едва мог открыть глаза. Когда это произошло, мир вокруг вспыхнул размытыми очертаниями разрушения: деревья, что окружали его, были почти полностью уничтожены, словно гигантская рука разорвала их на куски. Земля покрылась трещинами и лужами крови. Он вспомнил Валеру... и сердце сжалось. Где он?..

Лёша почувствовал, как к поверхности сознания поднимаются остатки эмоций — обида, предательство, боль. Грисумбра... и холодная пустота его предательства снова прокатилась по спине. Но он удержался, приглушив внутренний гул, сжавшись в себе, словно защита от нарастающего хаоса.

Медленно, с огромным усилием, Лёша смог поднять голову. Тело стонало, кости ныли, мышцы не слушались, но он начал осматриваться. Всё вокруг дышало разрушением. Он почувствовал слабую тягу к тому, что ещё можно спасти, к Саше, но это чувство было едва заметным, совсем не таким, как раньше.

И где-то вдали — ещё один взрыв. В этот миг земля под ногами дрогнула, и лесной хаос словно вздрогнул от силы удара.

Что происходит...? — прошептал он сам себе, но голос утонул в реве разрушенного мира.

Глава 22.1 Запись протокола «Чёрный Лес»

Меня зовут Даниэль Хартман, я федеральный агент. Мне тридцать четыре года. Фиксирую детали, пока мой рассудок и разум ещё в порядке...

Когда мне позвонили в 13:48, я сразу понял, что это не обычное дежурство. В этот момент сердце словно замерло, а разум стал слишком ясным, будто само время сжалось. В голосе диспетчера звучала тревога, но я слышал не просто сигнал беды — я слышал тень чего-то, что нельзя объяснить словами. Это чувство было странно знакомым: иногда мир шепчет о том, что не поддается логике, и в такие моменты понимаешь, что привычная реальность — лишь тонкая вуаль над хаосом.

— Даниэль, северо-восточный пригород. Лес. Пропали три группы лесников, связь с ними обрывается, приборы показывают аномалии. — Передал он мне. Голос диспетчера был напряжён, будто сам готовился к худшему.

Я быстро оценил риски и принял решение. Я работаю здесь уже около десяти лет.

— Поднимаем разведку с воздуха. Ми-8 и Ми-17, вылет в 15 минут. Будьте осторожны, — сказал я.

Диспетчер кивнул через телефон.

В 14:10 вертолёты поднялись. Сначала всё было спокойно: приборы показывали лишь густой туман, никаких аномалий, крики лесников больше не поступали.

— Всё чисто, — доложил оператор с Ми-17. — Только ветер... и... странные световые блики, как будто кто-то перемещается.

Я нахмурился. Что-то было не так. Но я не мог понять, что именно. В моей голове было чувство, которое никак не давало мне покоя. Я знал, что это может быть паранойя, поэтому не обращал на это внимание. Но это оказалось огромной ошибкой. Я услышал крики оператора, и звуки грохота:

— ЧТО ЗА... [Шипение]

— СИЛУЭТЫ... БЕЛЫЙ И СЕРЫЙ... ОНИ... [Шипение] — После последнего шипения звуков больше не было. Я потерял связь окончательно. Но был ещё один вариант: я мог смотреть на происходящее через дрон. В нём был встроен тепловизор, который сможет помочь собрать хоть какие-то данные.

Запустив его, я понял, что это было ошибкой. Дрон сразу начал терять связь, и я почти ничего не успел заметить, прежде чем потерял её.

Но заметить успел. Я заметил движение. Там был человек, по телосложению девочка. Она шла по опушке, слишком далеко, чтобы быть в безопасности, но и не близко к деревьям, где начиналась аномалия. Малая, одинокая... что она там делает?

— Кого вы видите? — крикнул я в радио, но ответа не было.

Через секунды приборы начали дезориентировать пилотов. Ми-8 закричал, а трясущиеся приборы показывали невозможные значения. Ми-17 внезапно опрокинулся на крыло.

— Я не могу удержать курс! — кричал пилот. — Что-то тянет нас... как будто воздух живой!

Именно тогда я понял: это не механика, не шторм.

Два силуэта — Белый силуэт, от него исходило странное свечение. Серый — такой же чуждый, и такой же пугающий.

Это произошло мгновенно. Вертолёты потеряли управление и один за другим рухнули в лес, оглушительные взрывы подняли столб дыма и огня.

Я остался стоять в штабе, держа телефон, дрожащий от напряжения.

Секунды ощущались как часы.

— Что за... — пробормотал я.

— Я... расследую это... да... я сделаю это сам, — добавил, осознавая, что обычные протоколы бессильны.

С этого момента я знаю одно: то, что происходит в Чёрном Лесу, не имеет человеческого объяснения.

Глава 22.2 Обязательство

Саша некоторое время стояла неподвижно, прислушиваясь к собственному сердцу, которое никак не могло прийти в норму. Оно стучало сбивчиво, неровно — так бьётся птица, случайно залетевшая в дом и никак не находящая выхода. Воздух вокруг был удивительно чистым, почти прозрачным, будто лес здесь не знал того мрака, который завладел всем остальным миром. Небо светлело сквозь кроны, и эта светлая зыбкость казалась чужой — слишком ровной, слишком спокойной для минуты, когда всё внутри неё дрожало.

Лёша оставил её здесь.

Без слов, без объяснений — словно решение было настолько очевидным, что не требовало ни одной фразы. Он перенёс её в эту тихую зону, словно ставил между ней и остальным миром тонкую границу, которую нарушать нельзя. Она всё ещё ощущала след его присутствия — не тепло, но странный холод, оставшийся на коже от того прикосновения, с которым он отодвинул её от себя. В этом движении не было грубости, но была какая-то тяжёлая необходимость, будто он отрывал от себя часть, которую нельзя брать туда, куда он направился.

Саша медленно вдохнула. Воздух был сухим, хвоистым, будто выдохшимся. Лес вокруг стоял неподвижно — ни шороха, ни ветра, ни птиц. Только тишина, такая глубокая, что она сначала подумала, что оглохла. Лишь через несколько секунд поняла: это не её уши отказали. Это лес слушал.

Она подняла ладонь и провела по лицу, пытаясь привести мысли в порядок, но в голове была всё та же гулкая пустота. Событий последних часов было слишком много, они скользили по сознанию, как волны по камню — накатывали и тут же уходили, не оставляя возможности осмыслить происходящее.

Он ушёл туда — ушёл один.

Наверняка там опасно. Но как быть мне? Стоять и прохлаждаться здесь?

Внутренний голос был не резким и не паническим — скорее удивлённым, будто она сама не ожидала от себя такой неподвижности.

Почему Лёша ничего не сказал мне? Он положил меня, и... ушёл. Просто ушёл.

Она посмотрела на свои ладони, всё ещё дрожавшие, и слегка сжала пальцы. Дрожь от этого не прошла — наоборот, стала заметнее.

Отец... а что отец... он ударил меня. Ударил, когда я молила его помочь Лё. Разве он отец после этого?..

Лес вокруг будто чуть потемнел. Или это просто её зрение дрогнуло. Какое-то странное ощущение поднималось в груди — не страх и не тревога, а что-то похожее на тихое упрямство, растущее, крепнущее, неотвратимое.

Она сделала шаг вперёд — медленный, неуверенный, как будто проверяя, не остановит ли её сама земля. Но земля молчала. И воздух молчал. И даже память о его руках больше не удерживала её на месте.

Лёша ушёл туда... я должна помочь ему, но как я сделаю это? Кто я такая? Там борьба каких-то духов, если полезу туда, скорее всего умру. На вид они очень опасные.

Саша подняла голову. В глубине леса, за тонкими стройными стволами, где тьма сгустилась, дрожало едва заметное серое марево — как дыхание далёкого пламени: слишком слабое, чтобы осветить путь, но достаточно ясное, чтобы показать направление.

Она глубоко вдохнула, ровно и спокойно, словно этим единственным вдохом могла вернуть себе ясность и порядок в голове. Сердце всё ещё стучало быстро, но страх уже не сковывал её движений. Он остался только тихим напоминанием о том, что идти придётся одной, и что каждый шаг теперь — её собственный выбор.

Саша задержала взгляд на мерцающем мареве. Оно казалось неутомным, живым — и в этом движении была какая-то сила, которая притягивала её вперёд. Страх больше не командовал, он лишь сопровождал, почти как шёпот, который напоминает о хрупкости и ответственности, о том, что путь впереди сложен.

Она шагнула вперёд. Медленно, осторожно, но уверенно. Лес казался глубже, чем прежде, и тьма — гуще. И всё же каждый шаг отзывался в груди ровным эхом: она больше не ждала кого-то, кто поведёт её за собой. Теперь она шла сама.

Саша посмотрела туда, где исчез Лёша, и медленно произнесла про себя:

Я готова рискнуть. У меня нет выбора. Я не прощу себя, если лишусь Лё и папы...

Это было напряжение перед бурей, но не обычной погодной — а перед чем-то, что чувствуется всем телом и разумом. Мир словно замер, затих, словно сам воздух сдерживал дыхание, прислушиваясь к тому, что должно произойти дальше. Каждое шорох листьев, каждый слабый треск ветки становились слишком громкими в этой странной тишине.

Издали доносились низкие, глухие удары, тяжёлые и вязкие. Они не напоминали ни гром, ни рев техники — скорее казалось, что сама земля стонет, отдаваясь внутренним, скрытым потрясениям. Каждый новый отзвук прокатывался через лес, и Саша ощущала, как в груди растёт тяжесть, холодным кольцом сжимающая дыхание и не позволяющая дышать свободно.

И вдруг она услышала что-то новое: жужжание, сначала слабое, почти незаметное, а потом — громкое и пронзительное. Пропеллеры самолёта. Где-то вдаль, над лесом, он падал, вращаясь в воздухе, как сломанный игрушечный механизм. Каждый его удар о землю сопровождался взрывом, от которого лес содрогался, а сама Саша вздрогнула, ощущая вибрацию в грудной клетке. Взрывы повторялись, один за другим, разрывая тишину и заставляя кровь бежать быстрее.

Она сделала шаг к тёмной линии деревьев, и лес словно замер вместе с ней, оценивая её готовность. Решение не пришло мгновенно. Оно медленно формировалось в ней, как слабый свет, пробивающийся сквозь густой туман: сначала робко, почти незаметно, а затем — всё ярче, настойчивее, обжигающе. Она не может ждать. Она не имеет права ждать. Она должна идти.

И с каждым последующим взрывом, с каждым падением самолёта её сердце билось всё сильнее, будто напоминая: там, где шум и разрушение, — там Лёша. Она знала, что должна идти к нему. С трепетом, страхом и решимостью одновременно она сделала ещё один шаг вперёд. Каждое движение отдавалось в теле и в душе эхом, словно сама земля следила за каждым её решением.

Теперь сомнения отступали. Теперь оставался только путь — и она знала, что должна пройти его до конца.

— Я спасу его... спасу Лё... — тихо сказала она, словно озвучивая мысль, которая и без слов была очевидной.

Она чуть повернула голову, и в тот же момент раздался хруст, тихий и точный, словно кто-то осторожно наступил на сухую ветку. Звук был малозаметен, но настолько отчётливо отделялся от неподвижного леса, что Саша мгновенно замерла и обернулась. Всё вокруг было окутано мягкой, чуть прозрачной темнотой, где даже свет утреннего неба не мог пробиться сквозь густую листву.

На границе света и тени стоял силуэт. Саша не сразу смогла понять, высокий он или низкий, мужчина или женщина. Это была фигура девушки, её очертания казались расплывчатыми, словно сотканными из самой тьмы, и вместе с тем словно вырезанными из воздуха. Девушка оставалась неподвижной, и в её позе было что-то одновременно настороженное и ускользающее, словно лес сам замер, удерживая мгновение.

У меня галлюцинации?.. Или я правда увидела... девушку?..

Саша замерла вместе с лесом, прислушиваясь к каждому звуку. Сердце билось громко, но не резко, скорее — протяжно и ровно, словно стучало в унисон с дыханием самой земли. Ветер мягко тронул листву, и лёгкие завывания между стволов деревьев напомнили шёпот, который трудно было разобрать. Но силуэт оставался неподвижен, не реагировал на движение воздуха, на падающие листья, на всё, что обычно колыхало лес.

Она почувствовала, как лёгкое напряжение начинает постепенно перерождаться в решимость. Внутри что-то тихо, почти незаметно подсказывало ей: это не просто случайный шум. Она должна идти дальше, должна понять, что скрывается в этих тенях. И страх, который ещё недавно сжимал грудь холодным кольцом, начал отступать, уступая место вниманию и внутренней сосредоточенности.

И вдруг едва заметный жест — силуэт повернул голову. Лёгкое движение, но в нём было что-то осознанное, будто девушка почувствовала взгляд Саши. И потом, почти беззвучно, фигура сорвалась с места и бросилась вглубь леса.

Это... мне... не показалось?!

Саша сделала шаг, затем ещё один, чувствуя, как ноги слушаются её, хотя разум всё ещё пытался осмыслить происходящее. Она рванулась за силуэтом, но лес оказался сложным, каждая ветка, каждый куст будто мешал ей, замедлял движение. И всё же она бежала, ведомая любопытством и тревогой, ведомая внутренним ощущением, что за этим силуэтом скрывается что-то важное, что-то, что может быть связано с Лёшей.

Почему она убегает от меня?! Она видит во мне опасность?!

И тогда раздалась новые звуки. Они были громче и глубже, раскатистее, чем прежде. Сначала низкий рокот, похожий на удары огромного барабана, который постепенно превращался в шум падающих пропеллеров самолёта. Слышалось, как металлические лопасти с треском ломаются, падают на землю и с глухим звуком взрываются. Каждый взрыв отдавался эхом по лесу, сотрясая воздух и землю под ногами.

Саша ощутила, как в груди нарастает тревога, холодная и острая, как лёд, пробирающийся под кожу. Но вместе с тем появилось понимание: теперь нельзя ждать. Нельзя стоять здесь и думать о том, что может быть дальше. Каждый звук, каждый взрыв, каждый шорох говорил ей одно — Лёша где-то рядом, он в опасности, и только она может дойти до него.

Она ускорила шаг, пробираясь сквозь густую листву, преодолевая корни и ветки, которые пытались остановить её. Внутри неё разгорелось ощущение неотвратимой необходимости. Она знала, что за каждым звуком, за каждой тенью может скрываться что угодно — опасность, спасение, ответы на вопросы, которые мучили её всё это время. И всё же она шла вперёд, ведомая тихим, непреклонным голосом внутри: «Ты должна идти. Сейчас».

И лес, который ещё минуту назад казался неподвижным и сдержанным, словно подчинялся какому-то невидимому правилу, теперь будто ожил. Ветер стал сильнее, листья шуршали громче, и с каждым шагом Саша ощущала, как пространство вокруг неё меняется, подталкивая вперёд, к звукам, к взрывам, к тому месту, где её оставил Лёша.

Тело действовало быстрее, чем сознание; она едва успевала переставлять ноги. Лес вдруг стал плотнее, корни — выше, ветви — ниже. Девочка двигалась так, будто была частью этой местности, будто знала каждую неровность, каждую тропу, которой другие не видели.

Саша старалась не терять её из виду, но силуэт всё время ускользал, то появляясь между деревьями, то исчезая за стволами. Она ловила лишь обрывки движения, тень, пробегающую сквозь туман света.

— Постой... — выдохнула она, но лес заглушил голос.

Силуэт мелькнул последний раз и растворился. Не скрывшись, не убежав, а именно растворился — словно шагнул в пространство, где её глаза не могли увидеть, куда её ноги не могли ступить. Лес вернулся к своей тишине, но она уже не была прежней: мир вокруг словно сжался, оставив только пустоту там, где ещё мгновение назад была чужая фигура.

Я... больше... не могу... бежать...

Саша остановилась, тяжело дыша, и медленно огляделась. Ни следа. Ни колыхнувшейся ветки, ни шороха, ни малейшего намёка на присутствие. Всё, что осталось — это воздух, густой и неподвижный, пропитанный запахом хвои и сырой земли.

— Кто ты?.. — прошептала она, и её голос прозвучал почти чужим, тонким, дрожащим.

Ответа не последовало. Лишь тишина, густая, словно смола, опустилась на лес. Она пыталась собрать мысли, понять, что только что произошло, но ум упирался в пустоту, где едва различимые очертания исчезли.

И тогда — удар. Гром, настоящий, оглушающий, раскалывающий тьму. Земля под ногами содрогнулась, будто под ней билось сердце чудовища. А затем раздался гул, треск и свист — металлические пропеллеры самолёта падали на землю, ломаясь и взрываясь с оглушительными вспышками. Каждая деталь, каждая взрывная вспышка отбрасывала тени на деревья, на листву, на землю, превращая лес в хаотичное, опасное пространство.

Лёша... папа... прошу... прошу, можно вы будете в безопасности?..

Саша замерла всего на мгновение, и этого было достаточно. Все мысли о силуэте растворились в памяти, исчезли вместе с его таинственным исчезновением. Оставалось лишь главное — Лёша, Виктор и то, что происходило в глубине леса, там, где страх обретал плоть и звук.

Сердце колотилось в груди, не давая остановиться. Саша сделала шаг, потом ещё, и всё вокруг будто ускорило. Ветер разрывал волосы, дождь срывался с листвы, гром гремел всё ближе, а земля под ногами дрожала всё сильнее. Каждый взрыв отдавался эхом в её ушах, каждая вспышка света сжигала темноту перед глазами, показывая путь к месту, где происходит всё это.

И в этом хаосе, среди разрушения и грохота, страх превратился в решимость. Она чувствовала, как каждая клетка тела тянется к цели, как разум сосредоточен на одном — идти вперёд, не останавливаясь, не думать о том, что может случиться.

Она повернулась в сторону взрывов и побежала. Не оглядываясь, не сомневаясь, ведомая инстинктом и внутренним ощущением неизбежности. Гул, хаос, огонь, грохот — всё это стало её дорогой. Впереди ждала встреча с тем, кто был ей дорог, и с тайной, которую нельзя было оставить незамеченной.

Лёша. Виктор. Они ждут меня. Я обязана помочь любой ценой.

Каждый шаг становился всё тяжелее, но Саша бежала. Каждая секунда была испытанием, каждый вдох — борьбой, каждый взрыв — толчком, подталкивающим её к цели. Всё вокруг превращалось в водоворот света и тьмы, звука и пустоты, но она шла. И не было пути назад.

Впереди — лес, взрывы, неизвестность. Впереди — Лёша и Виктор.

И она бежала навстречу этому, навстречу хаосу, навстречу всему, что должно было произойти.

Глава 23. Сквозь разбитое зеркало

Он очнулся не сразу, а будто постепенно всплыл из глубины, где царили пустота и онемение. Мир возвращался к нему медленно: сначала — сырой запах земли, затем — глухой, тяжёлый грохот вдали, похожий на раскат, который дрожью проходил сквозь почву. Потом — приглушённый шорох листьев, и лишь в последнюю очередь — тяжесть собственного тела.

Лёша лежал лицом к земле, чувствуя, как холодная влага просачивается сквозь одежду, будто пытается вернуть его в реальность. Он открыл глаза шире, пытаясь сфокусировать взгляд. Лес вокруг казался смазанным, тусклым, словно мир застыл между двумя вздохами. Но направление он всё ещё помнил. Там, впереди, за низкими кустами и поваленными ветками, находилась та самая безопасная зона, куда он стремился отвести Сашу.

Мысль об этом стала первой твёрдой точкой в зыбком море сознания.

Он попытался пошевелиться и ощутил, как тело, будто налитое свинцом, сопротивляется каждому намерению. Мышцы тянуло, сухожилия жалили, и казалось, что любое движение обойдётся ему слишком дорогой ценой. Но он заставил себя вдохнуть — глубоко, насколько позволяли сбитые дыханием рёбра — и собрать остатки сил.

Пальцы, дрожащие и плохо слушающиеся, вцепились в мягкую землю. Грунт был влажным и холодным, и это ледяное прикосновение помогло удержать его в сознании. Медленно, почти незаметно, он потянул тело вперёд. Сначала всего на несколько сантиметров — но это был шаг. Ещё один. И ещё.

Каждый рывок отзывался болью, прокатывающейся по позвоночнику и расползающейся по грудной клетке тёплой, тягучей волной. Но он продолжал, не позволяя себе остановиться. Слишком многое зависело от того, доберётся он или нет.

Постепенно движение становилось чуть увереннее, хотя силы уходили быстрее, чем приходили. Земля и трава под ним казались бесконечной дорогой, а каждый новый вдох — испытанием. Но впереди, в той стороне, где оставалась Саша, теплилось то единственное, что удерживало его сознание от распада.

Он ощущал слабую, почти призрачную тягу к Саше — не ту бурю, что когда-то сводила его с ума, заставляя сердце биться быстрее обычного, а тихий, уцелевший после всех потрясений огонёк. Эта тяга была похожа на далёкое тепло, едва заметное, но упорно не гаснущее, как слабый свет в доме, где кто-то всё ещё ждёт.

Она не толкала его вперёд — она просто была. Слабее, чем прежде, но живее всего остального, что оставалось в его душе.

Мысли внутри его головы разбивались на куски, беспорядочные и острые, и он не успевал ухватить ни одну полностью. Стоило попытаться сосредоточиться, как очередная вспышка боли или усталости разрывала нить, оставляя лишь обрывки. Они возникали хаотично — резкими всполохами, будто кто-то бил по стеклу изнутри, превращая ясные идеи в крошечные осколки.

Эти мысли мелькали перед внутренним взором, как отражения в треснувшем зеркале: углы смещены, линии искажены, образы накладываются друг на друга, теряя первоначальную форму. Одни осколки казались почти осмысленными — «встать... нужно... дальше...», — но уже в следующую секунду растворялись среди других: более тёмных, пугающе эмоциональных, тех, что он давно пытался подавить.

В этом хаосе было что-то болезненно правдивое, почти обнажённое. Не маски, не привычные мысли, которыми он прикрывал себя раньше, а сырой, первобытный страх, сомнения, надежда — всё смешанное до неразличимости.

Его собственный разум напоминал поле боя, где каждая мысль жила лишь миг, прежде чем уступить место другой. Из всего этого беспорядка оставалось только ощущение — он дол-

жен продолжать, потому что где-то впереди есть она. И даже если он разрывается на тысячу таких же осколков, как это внутреннее зеркало, — он всё ещё живёт ими.

Какая-то часть его — та, что ещё не раздавила боль и усталость, — цеплялась за образ Саши. Не за черты лица, не за голос, а за сам факт её существования рядом. За то, что она была причиной, целью и напоминанием, что в нём ещё есть что-то человеческое. Среди этого хаоса одна мысль сияла ярко, как вспышка молнии в ночи:

Я не хочу умирать.

Слова звучали не как мысли, а как физическое ощущение — стук сердца, крик всего организма, стремящегося остаться живым. Каждое движение давалось с болью, но он полз вперёд, ведомый инстинктом, что безопасность где-то рядом. Он чувствовал запах горячей хвои, тяжёлый воздух с примесью пыли и земли. Каждая частица, что Лёша вдыхал, казалась обжигающей, а каждая капля пота, стекающая по лбу, — напоминанием о том, что тело почти исчерпало свои ресурсы.

Время растягивалось, словно замерло. Ветер шевелил листья, скрипя деревьями, и этот звук казался одновременно угрожающим и успокаивающим — знак того, что мир вокруг продолжает существовать, пока он борется за жизнь. Его голова была как в тумане, мысли сливались в кашу, но ядро сознания держалось крепко, цепляясь за единственное: Я не хочу умирать.

Каждое ползучее движение давалось огромной ценой. Пальцы почти онемели, колени ободраны до крови, но Лёша полз. Он видел перед собой силуэт безопасной точки, и даже слабый свет этой надежды давал ему силу идти дальше. Внутри всё кричало: боль, усталость, страх, но желание выжить, желание защитить её, держало его, словно невидимая рука.

И тут воздух словно затих, а затем разорвался глухим ударом. Земля под ногами дрогнула, подняв в воздух комья мокрой земли и пыль. Лёша почувствовал, как вибрация проходит сквозь тело, заставляя его сердце биться ещё быстрее. Он поднял глаза и увидел, как огромное дерево, казавшееся неподвижным и вечным, медленно накренилось. Ветки дрогнули, кора треснула, и ствол, тяжёлый и неповоротливый, начал своё падение прямо на него.

Время словно растянулось. Каждый миг длился вечно. Лёша ощутил холодный страх, который проникал в самую глубину, касался каждой мысли, и каждой клетки. Он видел ствол, видимые сучья, мельчайшие кусочки коры, которые отлетали в воздух, и в голове постепенно выстраивалась ясная, неотвратимая мысль: Я могу умереть.

Он не мог сдержать дрожь. Мысли переплетались, тянулись одна за другой, медленно, тяжело: нужно... двигаться... нужно как-то... уползти... барьер?.. нет, сил нет... придётся жертвовать тем, что осталось... всё равно иначе — смерть...

Секунды растягивались до невыносимой длины. Он слышал собственное дыхание, ощущал пульс в висках, а каждый удар сердца отдавался эхом в висках. Тяжесть страха, ощущение собственной ничтожности перед падением огромного дерева, наполняло тело напряжением, которое невозможно было снять.

И вместе с этим пришла отчётливая, горячая мысль: нужно срочно действовать. Она не была рывком, не была вспышкой — это было тихое внутреннее решение, которое пробиравлось через усталость, через пустоту и слабость, которое говорило: ты должен попытаться, даже если кажется, что у тебя нет шансов.

Он собрал в себе последние крупинки силы, отчаянно пытаясь сосредоточиться, пытаясь вырвать из себя хотя бы слабый отблеск прежней мощи. Его тело, словно предавшее его собственное желание выжить, сопротивлялось каждому движению. Руки цеплялись за землю, которая казалась липкой и тянущей вниз, а ноги, предательски тяжёлые, словно вросли в почву. Каждое движение давалось мучительной ценой, и даже самые простые мышцы стонали от усталости и боли.

Он пытался поднять руки, попытался хотя бы прикоснуться к внутренней силе, к барьеру, который раньше казался таким надёжным и незыблемым. Но сейчас его тело было пусто,

словно сосуд, из которого вылили всё живое. Пытаясь сосредоточиться, Лёша ощущал, как каждая мысль распадается на осколки. Мысли и ощущения смешались в вязкой, невыносимой каше. Казалось, что в этот момент даже воздух сопротивляется его дыханию, а сердце бьётся не так, как нужно, а в замедленном, болезненном ритме, словно пытаясь предупредить: хватит, ты не сможешь.

И вдруг что-то переключило в его разуме. Резко, как удар током, пришла мысль, которая не давала покоя: А зачем мне всё это? Зачем я продолжаю бороться, когда и тело, и разум готовы сдаться? Страх смерти, боль, пустота — всё это налилось лавиной. Лёша почувствовал, что может сдаться, раствориться в хаосе, забыться в темноте, где нет ни боли, ни страха, ни ответственности.

Но вместе с этим пришла и другая мысль, тихая, едва различимая, как проблеск света сквозь густой туман. Он вспомнил Сашу. Её голос, её взгляд, её присутствие — всё то, ради чего он ещё когда-то считал себя живым. Всё это стало ответом на вопрос, который терзал его разум. Я делаю это ради неё.

Эта мысль, простая и ясная, словно маленький огонёк в темноте, пробудила в нём нотку решимости. Боль осталась, тело всё ещё сопротивлялось, но внутренний огонь снова дал искру. Сжимая зубы, Лёша сделал усилие, которое казалось почти невозможным, и полз вперёд. Почти... и вместе с этим почти пришло чувство цели. Почти... и оно дало ему силу продолжать.

Но дерево упало быстрее. Край тяжёлого ствола с глухим грохотом обрушился на ногу, придавив её к земле с такой силой, что в момент удара Лёша почувствовал, как воздух из груди словно выдавило. Дикая, невыносимая боль вспыхнула по всему телу — острая, резкая, пронизывающая каждую клетку, не оставляя ни малейшего пространства для чего-либо кроме неё. Казалось, что даже его почти притупленные чувства кричат во весь голос, а разум расплавляется, превращаясь в липкую, вязкую кашу.

Он заорал, но звук вырвался с трудом, горький и хриплый. Почти теряя сознание, Лёша почувствовал, как мир вокруг становится мутным и расплывчатым, будто всё растворяется в серой пелене. Но едва успев погрузиться в темноту, он ударил себя по щеке. Боль от удара, простая и реальная, словно вернула его обратно, собрала мысли воедино, даже если они были искалечены и рвались на куски.

Теперь в голове оставалась лишь одна мысль, простая и бескомпромиссная: надо выжить. Всё остальное — страх, отчаяние, пустота — отступило на край сознания. Но его тело больше не подчинялось, не слушалось. Каждое движение, каждое усилие давалось ценой колоссальной боли, словно сам мир требовал слишком высокую цену за шанс остаться в живых.

Он не мог больше двигаться. Боль полностью заполнила разум, заглушив всё остальное, оставив лишь один, бесконечно ясный вопрос: как вытащить ногу? Каждое мгновение было борьбой, каждая секунда — вечностью, и Лёша понимал: либо он справится сейчас, либо потеряет всё. Сглатывая страх и собирая в себя остатки силы, он приготовился к самому трудному — к моменту, когда отчаяние должно превратиться в действие.

— Лёша! — пронёсся крик впереди, резкий и дрожащий, будто сама земля вскрикнула вместе с голосом.

Сердце Лёши ёкнуло. Он сразу понял: это она. Саша. Тонкий, но сильный стержень надежды, который оставался в нём даже после всего ужаса, теперь вспыхнул как вспышка света в темноте.

— Лёша, что с тобой?! — её голос дрожал, сливаясь с шумом падающих деревьев и раскатами битвы духов. Лёша слышал, как где-то вдалеке Альвион и Грисумбра сталкиваются в невидимой войне: гул, разрывы воздуха, потрескивание земли — и в этом хаосе её крик казался островком человечности. Он знал: успокоить её сейчас невозможно.

— Помоги... оттащи... дерево... — вырвался хриплый шёпот из его груди. Слова еле слышались, с трудом пробиваясь сквозь боль и шум. Его губы дрожали, дыхание сбивалось, а глаза почти не видели — лишь контуры её фигуры, движущейся к нему, казались реальными.

Саша бросилась к нему. Её шаги были быстрыми, но осторожными, словно она сама боялась обрушиться в бездну, в которую он попал. Она ахнула, заметив, насколько тяжёлое дерево упало на ногу Лёши, как его тело искривилось, как он застывает в отчаянии.

Она опустила ладони на грубую кору, пальцы вцепились в неё, дрожа от усилия. Дерево не поддавалось сразу. Звук скрипа и треска, когда корни и ствол сопротивлялись, сильно резал уши. Лёша почувствовал, как дерево смещается на миллиметр — и крик боли вырвался из него с новой силой, глухой и дикий, отзываясь эхом в лесу.

Саша сглотнула, сжав челюсти, и снова дернула, собирая все силы. Она чувствовала, как сердце бьётся в груди, как кровь приливает к пальцам, как каждая мышца кричит от напряжения. Дерево сдвинулось ещё на несколько сантиметров, наконец освободив ногу Лёши.

Он почувствовал резкую, колющую боль, разливающуюся по всей ноге, но она отступала перед новой волной сознания — нога свободна. Лёша потерял сознание, падая на землю, а мягкое тепло её рук поддержало его падение, словно мягкий покров в хаосе всего, что окружало их.

Саша осталась на коленях рядом, её дыхание было быстрым, лицо побледнело, глаза блестели от тревоги и облегчения одновременно. Она смотрела на Лёшу, слушая отдалённый гул битвы духов, каждый удар которых напоминал о том, что опасность ещё не миновала. Но в этом мгновении, среди боли и хаоса, существовал только он — и она.

Сознание Лёши возвращалось медленно, словно сквозь густой туман, густую вязкую пелену. Сначала он ощущал лишь тепло вокруг, мягкость, словно погружён в облако, которое нежно поддерживает каждую часть его тела. Тяжесть ног и спины была не болью, а странной привычной тяжестью, которая медленно уступала ощущению безопасности.

Глаза открылись не сразу. Мир сначала был размытым, и Лёша различал лишь смутные очертания света: мерцающий оранжевый блеск костра, тёплые тени, колышущиеся вокруг. Постепенно очертания стали чётче — и рядом обрела форму Саша. Она сидела, склонившись над огнём, в её взгляде была сосредоточенность, но в этой сосредоточенности пробивалась мягкая забота. Каждое её движение было осторожным, каждое дыхание ровным и спокойным, словно она сама стала якорем в этом хаотичном мире.

Лёша почувствовал её тепло через прикосновения: её руки и ноги поддерживали его, обнимали своим присутствием, делая мир вокруг менее жестоким. Сердце его наполнилось тихой радостью, почти забытым ощущением уюта и покоя. Это был тот редкий момент, когда можно было почувствовать себя живым и защищённым, когда хаос и боль хотя бы на мгновение отступали.

Он скучал по этому — по её присутствию, по человечности, которая всё ещё жила здесь, несмотря на разрушение и хаос вокруг. Внутри его что-то тихо трепетало, что-то, что он давно почти забыл: чувство, которое связывало его с другим человеком, настоящим, живым.

Попытка произнести её имя застряла в горле. Тело не слушалось, губы были тяжёлыми, а голос почти исчез. Мысли шли медленно, словно через густой сироп, но сердце уже ощущало: рядом — кто-то, кто не отпустит, кто остаётся, несмотря ни на что. Боль, которая ещё недавно пронзала его сознание, теперь медленно отступала, уступая место мягкости и спокойствию.

Он вдохнул, чувствуя запах её волос и лёгкое тепло кожи, касающейся его. Ему казалось, что он впитывает это тепло в каждую клетку. Лёша позволил себе улыбнуться — тихо, почти неосознанно, но эта улыбка была настоящей. Она означала доверие, облегчение, а главное — надежду.

Наконец, он отпустил остатки сопротивления. Тело мягко осело на её ногах, плечи расслабились, дыхание стало ровным. В этом странном островке безопасности не было боли,

страха, только мягкость, тепло и ощущение, что кто-то рядом по-настоящему заботится. Лёша погрузился в долгожданный сон, где каждый вдох был лёгким, каждый миг — спокойным. Он спал, укрытый её присутствием, погружённый в редкий, почти забытый покой, который стал для него маленьким чудом посреди хаоса.

И где-то глубоко внутри, сквозь сон, он почувствовал тихую ноту решимости. Пусть этот мир рушился вокруг, пусть впереди ждала неизвестность и боль — ради неё он сможет двигаться дальше, выжить, бороться. Ради Саши.

Глава 23.1 Последняя точка опоры

Сознание Лёши оборвалось почти сразу, как только Саша сумела вытащить его ногу из-под расколотого, тяжёлого ствола. В тот миг, когда давление дерева исчезло, боль — резкая, звериная, оглушающая — взметнулась вверх по нервам, прорезавшись до самого разума. Это был не крик плоти, а крик всего существа, словно его вырвали из реальности и бросили обратно, но уже расколотым.

Мир качнулся, будто земля под ним стала мягкой, как болотная трясина. Шум битвы вдали, вспышки энергии между деревьев, испуганный голос Саши — всё это вдруг стало приглушённым, словно слышалось сквозь толщу воды.

Он даже не успел понять, что случилось. Не успел ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни собрать в себе хотя бы одну ясную мысль. Его тело содрогнулось, напряглось, а потом резко обмякло — легко, безвольным мешком, будто кто-то одним движением выключил внутри последнюю работающую часть, ту самую искру, что держала его между жизнью и пустотой.

Глаза его закрылись не потому, что он хотел — а потому, что больше не мог.

И Лёша провалился в темноту, даже не осознав, что Саша в этот момент ещё боролась за него.

— Лёша! — голос сорвался. — Эй... эй, Лё, ты слышишь?..

Никакой реакции.

Воздух вокруг гудел тяжёлой низкой вибрацией, которую нельзя было назвать звуком, но и без неё мир не был бы прежним. Он словно исходил из самой земли, проходил сквозь корни деревьев, скользил по камням и коре, и каждый шаг Саши отдавался внутри грудной клетки лёгкой дрожью. Поверх этого глухого, низкого гула доносились взрывы, треск падающих деревьев и едва различимые удары, словно кто-то невидимый раздирал пространство. Воздух был плотным и вязким, наполненным запахами дыма, мокрой хвои, горячей земли и чего-то чужого, чего Саша не могла назвать, но что пробирало до костей.

Она подняла голову и замерла.

Перед ней простиралась сцена, которая казалась одновременно нереальной и ужасно реальной. Сначала она заметила силуэт — тёмный, словно вырезанный из самой тьмы. Он двигался между деревьями, растягивая и сжимая свою форму, словно живой дым, который не мог удержать очертания. Внутри его тёмного тела мерцали серебристые прожилки, похожие на искры сквозь густой туман. Каждое его движение ломало пространство вокруг. Ветки поднимались и обрушивались обратно, трава чернела, как обугленная, а воздух дрожал, словно пытаясь убежать.

Саша не понимала, что это за существо. Оно не было животным, не было человеком. Она могла лишь ощущать исходящую от него древнюю силу, холодную и зловещую, и внутреннее предчувствие того, что перед ней находится что-то слишком могущественное, чтобы с ним можно было бороться.

И тогда её взгляд наткнулся на знакомое, болезненно узнаваемое движение.

Саша замерла, когда её взгляд наткнулся на фигуру Виктора. Сначала сердце ёкнуло от узнавания: это был её отец. Она видела линию плеч, знакомую походку, привычное движение рук. Но что-то было ужасающе неправдоподобным. Его тело светилось изнутри странным, холодным сиянием, кожа словно трескалась, сквозь неё пробивалась чуждая энергия. Глаза были пустыми и ярко белыми, как вспышки света, пронизывающие тьму.

«Папа?.. это... он..?», — шептала она сама себе, пытаясь совладать с паникой. «Что с ним?.. его... убили?.. эти... существа...»

Сердце колотилось в груди так, что казалось, оно вот-вот вырвется наружу. Каждое движение Виктора, каждый рывок его тела, которое Саша понимала уже не принадлежало её отцу,

вызывали у неё внутреннюю дрожь. Она чувствовала — это не его воля, не его сознание, не он. Это что-то чуждое, что использует знакомый облик для собственной цели.

«Умер... он умер?... папа... умер?», — проговорила она вслух, но голос дрожал, почти растворяясь в гулах и треске вокруг. «Нет... не стоит думать об этом сейчас... я должна спасти Лёшу».

Её руки сжали Лёшу сильнее, ощущение его веса и слабости буквально давило на неё, но в этом давлении было что-то реальное, человеческое, к чему она могла зацепиться. Она вспомнила, что нельзя терять рассудок. «Лёша... помочь Лёше... папа... умер... Саша, соберись...». Она ударила себя по щеке, и продолжила движение.

Она видела, как тьма вокруг серого существа разрывала землю, как свет, исходящий от Виктора, сталкивался с ней и рассеивался, а сама битва становилась всё ближе. Каждое движение, каждый шаг требовал невероятной концентрации. «Не отвлекаться... не паниковать... дышать... дышать медленно... он в моих руках, я должна вести его через это».

Саша ощущала страх, который сковывал её грудь, холод, который пробирал к костям, и одновременно — решимость, которая расплавляла этот страх. «Я не хочу верить в то, что происходит сейчас... хочется надеяться, что это лишь кошмар...».

И с этой мыслью она снова двинулась, каждый шаг отдавался болью и напряжением, но внутренний огонь не угасал. Она шла через хаос, через разрушение, через страх, ведомая только одной целью — сохранить жизнь Лёши, дотащить его до безопасного места, где они смогут перевести дух, и хотя бы на мгновение — вырваться из этой битвы, из этого ада.

Я доведу Лё... я справлюсь...

Саша сжала ладонь на рту, не из страха, а чтобы не издать ни звука. Любой шум мог привлечь внимание, пробудить тех, кто ведёт активную войну между собой, и она не могла позволить этому случиться. Каждое дыхание казалось оглушительно громким, и в этой тишине, наполненной гулом далёких взрывов и скрипом разламывающихся деревьев, малейший звук мог стать роковым.

Она осторожно перевела взгляд на Лёшу. Его лицо было бледным, словно выбеленным холодным туманом, а губы дрожали, не издавая ни звука. Грудь поднималась слабо, каждое дыхание казалось борьбой с самим собой, с пустотой, которая пыталась его поглотить. Саша ощущала, как его тело стало почти прозрачным в этом хаосе — как будто все силы ушли, оставив лишь оболочку, хрупкую и неустойчивую.

От Лёши исходил едва заметный поток тьмы. Он был слабым, почти незаметным, но в этом слабом свете она различала едва ощутимую защиту — словно сама тьма, которая обычно была источником разрушения, теперь пыталась оберегать его, поддерживать, удерживать на грани между жизнью и смертью. Поток струился мягкой, ледяной волной, касаясь её взглядом, заставляя кожу на руках дрожать. Это было странное ощущение — одновременно холодное и живое, отчаянно нуждающееся в её внимании.

Саша сжала пальцы сильнее, едва касаясь его плеча, словно контакт с теплом человеческой кожи мог удержать их обоих от гибели. Внутри всё кричало, предупреждало о приближающейся опасности, но её разум оставался острым. Она понимала: Лёша ещё не мог прийти в себя, и каждый её шаг, каждое движение должны были быть выверены, осторожны и продуманны. Здесь, среди хаоса, где тьма и свет сталкивались, где смерть была повсюду, он был её ответственностью. И она не могла позволить себе ни секунды слабости.

— Держись... умоляю... — прошептала она и вцепилась в его куртку, пытаясь сдвинуть его с места.

Он оказался слишком тяжёлым для её слабых рук, или, возможно, она была слишком истощена, чтобы вынести его, но сдаваться было невозможно. Каждое движение давалось с усилием, как будто сама земля тянула её вниз, а мышцы отказывались слушаться.

В этот момент оглушительный взрыв прокатился по лесу. Земля содрогнулась под ногами, будто дыхание гигантского существа проходило сквозь почву. Саша едва успела сесть на колени и опереться на землю, накрыв собой Лёшу, когда вдалеке послышался ужасающий грохот. Что-то огромное рухнуло, погрузив пространство в столб поднимающейся пыли и дыма. Звук падения был тяжёлым, глухим, как будто рушилось целое здание, и воздух казался вязким, наполняя лёгкие густым, едва различимым запахом горячей хвои и разломанных деревьев.

Саша почувствовала, как холод и страх, как ледяной поток, пробежали по её спине. В одно мгновение её сознание было полностью сосредоточено на Лёше — на его тяжести, на его беззащитности. Она сжала его плечо, чувствуя каждую мышцу, каждый удар сердца, и думала только о том, чтобы удержать его здесь, в безопасности, даже если сама оказалась на грани.

Вокруг грохотало и трещало, лес дрожал от столкновения сил, и каждый звук казался одновременно угрозой и сигналом, что нужно действовать. Саша понимала, что падение ещё не окончено, что каждый следующий миг может стать последним, но удерживать Лёшу было её единственным выбором.

Мы справимся... справимся, ведь так, Лё?..

Она прикусила губу, чувствуя, как дыхание сбивается от густой пыли, поднятой взрывами и разрушением. Каждое движение давалось ей с трудом, но она снова попыталась поднять Лёшу. Его тело казалось слишком тяжёлым, словно наполненным свинцом, и волоком тащить его через хаотично разрушенный лес было мучительно. Она искала тень, хоть какую-то преграду между собой и этим безумием вокруг, между собой и существами, которые с ужасной грацией разрывали пространство.

Тела этих существ мелькали между искорёженных деревьев, почти незаметно, но каждое движение было наполнено злобещей силой. Они казались одновременно хрупкими и неуязвимыми, словно сама тьма приняла форму, чтобы наблюдать и карать. Одно из них остановилось. Его движение было резким, внезапным, и оно повернуло голову прямо в её сторону.

Саша застыла. Сердце колотилось так, что казалось, слышно его удар изнутри, грудь сжималась, а руки непроизвольно обхватили Лёшу. Он был почти без сознания, бледный и холодный, грудь едва поднималась. Поток тьмы исходил от него слабый, едва заметный, но холодный, почти мёртвый, и Саша почувствовала странное, инстинктивное желание защитить его от всего вокруг.

Существо было огромным — не меньше четырёх метров ростом. Худое, вытянутое, как тень, вытянутая из дыма и мрака, его тело покрывала плотная серая кожа, трещины которой излучали мутное свечение серого света. Этот свет не согревал, не обещал ничего, он был чуждым и беспощадным. Белые глаза без зрачков смотрели прямо на неё. Они не моргали. Они не показывали эмоций. Они слушали. Оно понимало больше, чем могла понять Саша.

Она прижала Лёшу к себе, накрыв его голову руками, словно могла защитить его этим простым жестом. Её пальцы дрожали, мышцы горели от усталости, но страх сковывал её мысли сильнее. Каждый шаг существа, каждый вздох ветра, каждый скрип ветки под ногами казался возможной смертью. Оно сделало шаг, затем второй, и с каждым шагом земля под его ногами поддавалась, слегка выгибаясь, словно сама природа ощущала его вес и силу.

Саша хотела закричать, но звук застрял в горле. Любой крик мог привлечь внимание, и она понимала: сейчас малейшая ошибка — и они оба окажутся в ловушке, откуда выхода не будет. Она мысленно повторяла себе: «Ты должна держаться. Должна. Ради него. Ради Лёши. Ради себя». Эти слова повторялись, как заклинание, поддерживая слабый внутренний огонь в груди. Мысли превратились в кашу сомнений и надежды.

Она оглянулась, пытаясь найти путь, хоть крошечный коридор между деревьями, через который они смогут проскользнуть. Каждое движение давалось ей ценой боли: мышцы горели,

ладони скользили по влажной коре, колени болели от царапин и ударов. Но она не могла остановиться. Бросить Лёшу значило для неё смерть.

Существо снова сделало шаг, медленно, почти величественно, словно измеряя её силу и решимость. В этот момент Саша почувствовала, как мир вокруг — земля, воздух, листья — перестал быть обычным лесом. Он стал ареной чуждой силы, местом, где каждый вдох и движение — вызов, где жизнь и смерть висят на тонкой грани.

Но внутри неё не было выбора. Она сжала Лёшу крепче, ощущая его слабое тело, его холод и тяжесть, и пошла дальше. Через хаос, через шум и тьму, через угрозу, которая могла уничтожить их обоих. Она знала, что если остановится — конец. Если продолжит — может быть шанс.

И даже когда существо снова двинулось, продвигаясь к ним с неумолимой степенью, она не отступила. Саша шла, ползла, таща Лёшу, и в этом каждом движении было всё её напряжение, страх и решимость. Каждый шаг был крошечным подвигом, каждый вдох — сопротивлением хаосу. Она не могла думать о том, что впереди — кто знает, сколько их ещё, кто из них — её отец в этой оболочке или кто-то другой. Она думала только о Лёше, о его жизни и о том, что должна дотащить его до того места, где хоть на мгновение они смогут передохнуть.

В тот же момент небеса разорвало ярко-серебряное свечение, пронзившее лес, как поток чистого, ледяного света. Оно было настолько ослепительным и одновременно холодным, что казалось, будто сама атмосфера содрогнулась, дрожа от силы, которой она не могла вынести. Свет разлился по кронам деревьев, отражаясь в трещинах коры, бросая длинные, почти нереальные тени на землю.

Существо дернулось, словно ударенное невидимой плетью. Его тело выгнулось, вытянутое и ужасающе неестественное, и с резким глухим хрустом оно было отброшено в сторону. В воздух поднялись клочки земли, кроны поваленных деревьев, ветви, которые рассыпались, ломаясь под ударом. Волна энергии пронеслась над самой землёй, согнув траву, подхватив пыль и мелкие обломки, и всё вокруг на мгновение будто замерло.

Саша почувствовала, как ветер, принесённый этой силой, ударил ей в лицо, сбивая с ног и заставляя глаза слезиться. Ветер гудел в ушах, принося запах палёной хвои и земли, влажный, тяжёлый и острый, словно лес сам кричал от внезапного вторжения. Каждая ветка, каждый клочок листвы, каждый ком земли, поднятый вспышкой света, казался живым, реагирующим на мощь, разлитую по этому пространству.

Серебряное сияние продолжало распространяться, отражаясь от трещин в серой коже существа, словно подсвечивая его изнутри. Оно скользило по неровным поверхностям, выявляя странные складки и искривления, делая его ещё более чуждым, почти нереальным. Существо издавало низкий, протяжный звук, который гулко вибрировал в груди Саши, заставляя каждую мышцу напрячься.

Саша прижала Лёшу к себе, стараясь защитить его от ударной волны, от энергии, от обломков. Она ощущала, как его тело подрагивает в её руках, холод и тяжесть смешиваются с лёгкой дрожью после недавнего стресса. Но даже в этом хаосе, среди разрушения и силы, что почти сломала лес, она понимала: это был шанс. Шанс выжить, шанс увести Лёшу хотя бы на маленькую безопасную дистанцию.

Что это?.. может, я схожу с ума?.. может, это всё... нереально..?

Саша не могла понять, что это за существа, не могла постичь их силу или намерения, и чем дальше она всматривалась, тем меньше оставалось рационального объяснения происходящему. Но одно ощущение было неоспоримо: они были рядом, вплотную, и вокруг них происходило нечто огромное, необъяснимое и опасное. Каждое движение воздуха, каждый гул и скрип деревьев отзывались в её сознании, заставляя сердце биться так быстро, что казалось — не её дыхание, а именно удары сердца услышат существа.

С трудом таща Лёшу, она наконец дотащила его до поваленного ствола. Спинай прижалась к холодной, шероховатой коре, ощущая её твёрдость сквозь одежду. Тело дрожало, руки дрожали, дыхание сбивалось, но она знала: даже малейший звук сейчас мог стать фатальным. Вокруг тянулась тишина, прерываемая лишь глухим рокотом битвы и шорохом разрушающихся деревьев, и Саша ощущала, как напряжение воздуха буквально давит на грудь. Каждая секунда казалась вечностью, и в этой тишине, среди хаоса, единственной опорой оставался Лёша, тяжёлый, безжизненный, но всё ещё её ответственность.

— Лёша... пожалуйста... — она тронула его лицо ладонью. — Проснись, я тебя умоляю...

Но он оставался неподвижным, словно между его сознанием и этим миром лежал непроницаемый, плотный слой тьмы, который невозможно было пробить. Любая попытка почувствовать его отклик гасла почти мгновенно, оставляя только тяжесть беспомощности в груди.

Саша прижала его ближе к себе, ощущая тепло его тела сквозь одежду, хрупкую связь, которая ещё держала её самого. Она не знала, сколько ещё продержится этот лес, и хватит ли у неё сил самой выдержать. В воздухе витала опасность, и каждая дрожь земли, каждый глухой раскат казались предвестниками нового удара.

Но она знала одно: она не оставит его. Даже если весь мир вокруг рухнет, даже если сама она будет разорвана, она не бросит его. Его жизнь была в её руках, и в этом простом знании скрывалась сила, способная устоять перед хаосом.

Саша не замечала времени. Минуты и секунды сливались в один непрерывный поток глухого гула, дрожи и всплеск света, разрывающих лес. Всё это происходило словно по ту сторону стекла, в другом мире, чуждом и диком. Здесь, в её маленьком шатком пространстве, полном страха и напряжения, существовал только он — Лёша.

Она тащила его медленно, рывками, каждое движение давалось ценой сил, которых, казалось, уже не оставалось. Иногда ей казалось, что лёгкие отказываются работать, что грудная клетка не сможет сделать вдох. Руки сводило, плечи ныли, ладони обдирались о ткань его одежды. Но каждый раз, когда желание остановиться становилось почти невыносимым, в памяти всплывал его голос — спокойный, уверенный, злой, раздражённый, но живой. Этот голос был якорем, тянул её вперёд, заставляя бороться с усталостью, болью и отчаянием.

И так, шаг за шагом, она продолжала двигаться сквозь хаос, сквозь свет и тьму, сквозь гул разрушения, держась за его жизнь, как за единственную нить, что могла сохранить их обоих.

Я не дам тебе умереть. Лё, ты будешь жить... будешь... жить...

Наконец она добралась до места, которое мгновенно узнала.

Тот самый холмик, где Лёша впервые оставил её одну — небольшая впадина между корнями двух старых деревьев. Тогда это место казалось ей убежищем, тихой точкой безопасности среди лесного хаоса.

Сейчас же оно стало её последней надеждой, последним оплотом, за который она могла зацепиться. Здесь она могла хоть немного перевести дыхание, прижать Лёшу к себе и найти передышку среди непрекращающегося ужаса. Каждая травинка, каждый изгиб корней казались знакомыми, почти утешительными, как будто природа сама протягивала ей руку помощи, напоминая: пока есть это место, есть шанс выжить.

— Всё... — она почти рухнула на землю, осторожно опуская Лёшу. — Всё, мы дошли... прости, если больно...

Еды не было, воды тоже не осталось. Саша ощущала сухость во рту, каждое дыхание давалось с трудом. Дрожащими руками она собирала сухие ветки и обломки коры, аккуратно складывая их в кучу, чтобы огонь мог разгореться. С зажигалкой в руках она с трудом удерживала себя, пока маленькая искра не вспыхнула и не разожгла костёр.

Пламя быстро разгорелось, мягко освещая их обоих и отбрасывая длинные, дрожащие тени на землю и корни деревьев. Тепло проникало в её пальцы, плечи и грудь, слегка успока-

ивая учащённое сердце. Саша опустилась на колени рядом с Лёшей, склонившись над ним, стараясь передать хоть часть этого тепла.

На мгновение весь ужас остался за пределами круга света. Здесь, среди разрушенного леса, был лишь он и она, живые, хрупкие — и всё же существующие. Тепло костра разлилось по их телам, создавая ощущение уюта, почти забытого, словно маленького чудесного дыхания среди хаоса.

Пришло время посмотреть на ногу.

Она подняла штанину — и резко втянула воздух. Стопа была распухшей, сильно. Под кожей виднелись неправильные линии — пальцы были вывернуты, два из них под странными углами. Один палец был явно сломан — смещение чувствовалось даже без профессионального взгляда. На тыльной части стопы проступали синюшно-фиолетовые пятна — кровоподтёки глубоко под кожей, значит, сосуды повреждены. Кожа на щиколотке натянулась так, будто там внутри что-то раздувалось.

Саша выдохнула, сжав зубы.

Это плохо. Ужасно...

Он, наверное, сказал бы что-то вроде «ничего страшного», но она не была Лёшей. Она была другой — осторожной, тревожной, ощупывающей мир вокруг и пытающейся держать под контролем страх, который скрывался глубоко внутри.

С лёгким, почти робким движением она коснулась опухшей стопы. Пальцы её дрожали, будто сами не решались на это, но всё же прикоснулись к коже и ткани, пытаясь ощутить, что именно произошло.

Лёша даже не дёрнулся. Его тело оставалось неподвижным, словно отключенное от боли, от реальности, от всего, что происходило вокруг. Только лёгкое напряжение в мышцах выдавалось, как тихий шёпот боли, которую он пытался проглотить.

— Прости... — прошептала она. — Тебе так больно. Больше, чем мне когда-либо приходилось испытывать...

Её руки дрожали, но она осторожно нащупала пульс на стопе. Слабый, но всё ещё был. Значит, кровоснабжение не полностью перекрыто. Значит, есть шанс. Значит, есть надежда.

Саша сняла с себя шарф и аккуратно начала фиксировать стопу, пытаясь хотя бы немного уменьшить подвижность. Каждое движение давалось с огромным трудом: руки дрожали от холода, усталости и бесконечного напряжения, но она не останавливалась.

— Потерпи... — тихо шептала она, хотя Лёша даже не мог услышать. — Ты ведь всегда говорил, что я слабая... ну вот. Видишь? Я могу. Я могу... ради тебя. Лё... ради тебя...

Огонь костра потрескивал, отражаясь в её влажных глазах и освещая линии усталости на лице. Она продолжала работать, пока не сделала всё, что могла в этих условиях — надёжно зафиксировала стопу, приподняла ногу, чтобы уменьшить отёк, согрела её, насколько позволяло тепло костра. Её знаний хватило лишь на то, чтобы предотвратить самое худшее, но этого было достаточно, чтобы сохранить шанс на жизнь.

Когда работа была окончена, силы покинули её. Она опустилась рядом с Лёшей, обняла его и закрыла глаза — не чтобы уснуть, а чтобы хотя бы на мгновение забыть о хаосе вокруг. Чтобы дать себе право на минуту покоя среди разрухи.

Она была на пределе. Каждый мускул, каждая клетка кричали усталостью и страхом. Но она дошла. И теперь, зная, что сделала всё возможное, больше не собиралась отступать.

Глава 23.2 Тень агентства

Я всё ещё не могу отделаться от образов Чёрного Леса. Они не уходят — наоборот, становятся яснее с каждым днём. Белое и серое... то, что я тогда едва различил. Они не просто существовали — они наблюдали, медленно, методично, будто с интересом изучали меня. Я чувствовал этот взгляд не глазами, а чем-то внутренним, древним, что пробудилось во мне в ту ночь. То чувство, которое я испытал, когда увидел их — это не случайность, и не галлюцинация.

Мне точно не показалось, я видел их. И их присутствие не было случайностью. Теперь я понимаю это слишком хорошо. Они подошли ко мне ближе, чем к любому другому человеку, и я не знаю, почему. Или... может быть, знаю, но сам боюсь признаться.

Это не был страх — это было что-то большее. Как если бы меня взвешивали. Оценивали. Как если бы я стоял на тонкой грани между смертью и тем, что намного хуже смерти.

Но одно ясно абсолютно точно: все наши протоколы, инструкции и методы — смешны. Беспомощны. Слепы.

Мы бьёмся с тем, что не понимаем, как дети с палками против шторма.

Я эту беспомощность почувствовал слишком остро, когда стоял посреди леса и понимал: если они захотят — от меня ничего не останется. Ни тела. Ни памяти. Ни следа.

Но они ушли.

Они оставили меня живым. И это — единственная загадка, которая для меня действительно важна.

Почему?

Неужели просто так? Сомневаюсь.

Не бывает таких совпадений.

С того момента меня не отпускает мысль: если они почувствовали во мне что-то... значит, это что-то есть.

И если я смогу это найти — я перестану быть беспомощным.

Я должен перестать.

...Мысль оборвалась на резком стуке в дверь.

Три глухих удара. Не нервных — выверенных. Таких, что делают только люди, привыкшие входить туда, где могут лежать трупы.

— Хартман? — раздалось за дверью.

Голос знакомый, но не тот, которого я хотел слышать. Я сразу узнал его — агент Марков. Старший, упрямый, с тяжёлым взглядом человека, который в леса ходит не ради отчётности.

— Открыто, — сказал я.

Дверь медленно приоткрылась, и Марков вошёл, переступив порог так, будто проверял, не стоит ли тут мина. Он осмотрел комнату, задержал взгляд на моём лице.

— Вид у тебя... — он прищурился. — Как будто ты там умер вместе с ними.

Я усмехнулся, хотя это не было похоже на смех.

— Почти, — тихо ответил я.

Марков шагнул ближе. Он пах мокрой формой и холодным воздухом — как и все, кто вернулся из зоны поисков. Он не был впечатлительным, но сейчас в его лице была осторожность.

Та, что проявляется только тогда, когда человек чувствует: перед ним что-то сломанное.

— Я слышал запись, — сказал он. — Ту, что успел поймать твой дрон, до того как его вырубил.

Он замолчал. Я видел по глазам — он не верил в то, что услышал. И больше не верил ни во что привычное.

— Это... что это... было? — спросил он наконец.

И вот тут я почувствовал раздражение. Острый, ледяной укол.

Он тоже ищет ответы. Но ответы — мои. Это я стоял перед ними. Это меня они «оценивали». Не его. Не штаб. Меня.

— Ты думаешь, я знаю? — ответил я. — То, что появилось в лесу... не относится к нашим категориям.

Марков долго смотрел, будто пытаюсь понять, не скрываю ли я что-то.

А я скрывал.

— Послушай, Даниэль, — начал он осторожнее. — Тебя проверят психологи. Это стандарт. Ты сам понимаешь.

— Понимаю, — сказал я, ровно.

Я понимал — но не собирался рассказывать им правду.

Марков вздохнул, провёл рукой по лицу.

— Люди в штабе говорят... ты видел что-то в тумане. Что-то белое. И серое.

Я посмотрел на него. Его голос дрогнул — впервые за все годы, что я его знал.

— Видел, — сказал я.

— И ты выжил. Один.

Он выдохнул тихо, почти неслышно.

Это был страх. Но страх — не за меня.

Страх передо мной.

Меня это... почему-то успокоило.

— Даниэль... — Марков понизил голос. — Ты точно в порядке?

О да. Вот этот вопрос. Самый глупый в подобных ситуациях.

Я поднял глаза и встретил его взгляд так, чтобы он почувствовал — я ещё здесь. Но уже не тот, кто был вчера.

— Нет, — сказал я честно. — Но это хорошо.

Марков нахмурился.

— Хорошо? Ты серьёзно?

Я улыбнулся. Медленно. Непокойно.

— Потому что теперь я знаю: если мы хотим понять, что в этом лесу... мне нужно быть не таким, как прежде.

Он отступил на шаг. Я видел — он даже не осознал этого. Инстинкт.

— Даниэль... — осторожно повторил он. — Ты пугаешь меня.

— Привыкай, — сказал я. — Нас всех скоро будет пугать кое-что куда хуже.

Он посмотрел на меня. Посмотрел таким взглядом, будто видел не меня, Хартмана, а тех существ. Обглядев меня, он подошёл к выходу.

— Я помогу тебе, если ты попросишь. Не затягивай с этим, Хартман.

Он молча закрыл дверь, а я задумался над его словами.

Поможет? С чем он сможет помочь мне? Разве я не единственный, кто сможет остановить всё это?

Я поймал себя на той мысли, что начал завышать себя. Смотреть на людей сверху вниз. Но я также понял, что делаю это не просто так.

Всё таки я пережил хаос. Но... это только начало. Впереди нас всех ждёт что-то, до ужаса странное.

Нужно сменить мысль.

Сегодня в офисе я просидел почти шесть часов, пересматривая данные, карты, спутниковые снимки. Всё, что я делал раньше — протоколы, отчёты, стандартные процедуры — оказалось ничтожным, по сравнению с этим. Никто не подготовлен к тому, что там есть. Никто, кроме меня.

Я чувствовал, как что-то во мне меняется. Это чувство... нельзя назвать страхом. Скорее это осознание того, что я должен действовать иначе. Если обычные люди слепы — я буду видеть. Если обычные люди слабы — я стану сильнее.

Я начал записывать собственные наблюдения, строить схемы, сопоставлять аномалии с исчезновениями людей. В этих схемах уже появлялись идеи, которые раньше я бы счёл невозможными: контроль, принуждение, воздействие на силы, что прячутся в лесу. И чем дольше я этим занимаюсь, тем яснее понимаю: я не могу останавливаться.

Я слышу их шёпоты иногда ночью. Возможно, это игра моего разума. Возможно, они следят за мной. Но я не боюсь. Я начинаю понимать: чтобы справиться с этим, я должен принять всё, что я есть, и то, что могу стать.

Я стану тем, кто сможет действовать там, где остальные погибнут. Если мир не готов — мир будет вынужден подчиниться.

Сегодня я впервые осознанно испытал странное удовлетворение, когда думал о том, как использовать силу, о которой пока могу только догадываться. Это чувство похоже на холодное пламя. Страшно, но... возбуждающе.

Я понимаю: путь к контролю будет долгим. И цена будет высокой. Но я готов заплатить её.

Глава 24. Перезагрузка

Лёша вырвался из темноты резко, будто его вытолкнули из глубины ледяной воды, где он висел без сознания и времени. Воздух вернулся в лёгкие тяжело, рвано, а вместе с ним — чувство, которое он когда-то назвал бы страхом.

Но этот страх был... неправильным.

Он не обрушился волной, не захватил горло и не заставил сердце бешено колотиться. В нём не было паники, ни дрожи, ни той острой грани, что чувствует обычный человек, когда сталкивается со смертью. Напротив — страх будто пробивался сквозь плотную пелену, которую тьма давно окутала его разум. Он был глухим, приглушённым, тягучим... как будто кто-то шептал его напрямую в глубину сознания, минуя тело.

Он ощущался не в груди — а где-то дальше, глубже. Как отдалённый тягучий звон, который не становился громче, но и не позволял забыться.

И именно этим он пугал сильнее всего.

Страх был слабым, но не безобидным. Неуправляемым. Неярким, но неизбежным — и его приглушенность лишь подчёркивала масштаб беды. Лёша понимал: если бы он чувствовал эмоции как раньше, его бы парализовало. Но теперь он просто знал, что должно быть страшно, даже если тело и разум отказывались реагировать по-человечески.

Грохот битвы ворвался в его сознание, как удар по пустому металлическому корпусу. Где-то позади, за холмами, где земля давно перестала быть спокойной, продолжалась схватка Альвиона и Грисумбры. Каждый их удар отзывался в земле тугой, тяжёлой вибрацией, от которой воздух дрожал, а деревья выгибались, будто пытались избежать неизбежного конца.

Мир звенел от напряжения, как натянутая струна, готовая лопнуть.

Лёша медленно сел, оглядываясь. Страх не кричал — он висел над ним, словно тень от ножа, который ещё не упал, но его приближение ощущается каждым нервом.

Если мы останемся здесь — нас просто разорвёт волной.

Мысль пришла ясная, холодная, как вода по венам. Он поднялся, чувствуя, как тело встречает каждое движение сопротивлением, и повернулся к Саше, которая лежала неподвижно рядом.

— Саша... — голос прозвучал хрипло, будто он не пользовался им целую вечность.

Он наклонился, коснулся её плеча, почувствовал тепло — слабое, живое. И резко потряс её, возвращая из того же густого мрака, из которого только что выбрался сам.

— Саш, просыпайся... нам надо уходить. Прошу тебя...

Она открыла глаза медленно, будто сквозь туман.

— Что?.. Что... случилось..? — спросила она хрипло.

— Нам срочно нужно уходить... пойдём.

Они двинулись в сторону города, стараясь держаться подальше от грохота, который уже не казался звуком — это было дыхание катастрофы. Лёша чувствовал, как каждый удар магии вибрирует в костях, но он продолжал идти, подхватив Сашу под руку, пока та приходила в себя.

Первое время она шагала ровно, молча, словно тоже инстинктивно понимала: выжить — значит двигаться. Но спустя всего несколько десятков метров её шаги начали сбиваться. Она словно стала тяжелее, будто воздух вокруг неё превратился в вязкую смолу.

Лёша услышал, как её дыхание меняется — становится судорожным, неровным.

— Саш? — он обернулся.

В этот момент она остановилась окончательно, словно ударилась о невидимую стену. Её руки дрогнули, а затем резко метнулись к вискам — не просто схватили голову, а впились в неё, как будто пытались удержать её от распада.

И то, что произошло дальше, Лёша не смог бы забыть, даже если бы его разум стерли подчистую.

Саша выгнулась вперёд, будто кто-то невидимый схватил её за череп изнутри и потянул вниз. Пальцы её дрожали, а ногти впивались в кожу. Лицо исказилось — не просто болью, а чем-то таким, что стоило выше любого человеческого терпения.

Будто её разум ломали у него на глазах.

— Саша?! — голос Лёши дрогнул, что случалось редко. — Что с тобой?!

Она уже не слышала его. И, возможно, вовсе не была здесь. Её взгляд затуманился, ускользнул, сместился куда-то сквозь Лёшу, мимо него, дальше — туда, где, как он знал, не существовало ничего, что может воспринять человеческий разум. Зрачки дрогнули, ушли вверх, словно её сознание кого-то увидело... выше, глубже или ближе, чем позволено живым.

Она раскрыла рот, и вместе с выдохом родился звук.

Это был крик, но не человеческий. Он был слишком ровным, слишком пронзительным, будто тянулся не из лёгких, а из самого основания её существа. И длился так долго, что Лёше казалось — он слышит не голос Саши, а вопль самой боли, запертой в глухих глубинах, откуда никто не возвращается прежним. В этом звуке не было воздуха — только натянутый до предела ужас, который не расходится волнами, а как будто проникает сквозь кожу.

Лёша замер. Вся его природа — тёмная, изломанная, давно не знавшая обычных эмоций — отозвалась сначала слабым, едва уловимым дрожанием, потом — пустым, хищным вниманием. Он не боялся так, как бояться люди. Его страх был приглушённым, словно придавленным веками тьмы. Но даже он почувствовал, как что-то холодное скользнуло по его позвоночнику.

Саша осела на колени почти без звука, будто её тело потеряло связь с собственным весом. Она покачивалась взад и вперёд с той медленной, навязчивой монотонностью, что напоминает детское укачивание — только её движения были слишком резкими, слишком отчаянными, словно она пытается вырвать себя из мира, который перестал быть её домом. Пальцы судорожно вцепились в волосы, дрожа не от боли, а от невыносимой внутренней перегрузки, как будто чужая мысль проникла в её голову и теперь раздвигает её изнутри.

Земля под ней вибрировала, но не от битвы вдалеке — от того, что происходило с ней самой. От напряжения, которое излучало её тело, словно оно больше не могло вместить то, что рвалось наружу или, наоборот, пыталось проникнуть внутрь.

И тогда Лёша почувствовал это сам.

Тонкую, почти изящную боль — как лёгкое прикосновение ледяной иглы к виску. Боль, не причиняющая вреда, но обозначающая присутствие. Мгновение спустя она повторилась — чуть глубже, чуть настойчивее. А затем, когда он попытался отстраниться, он услышал.

Шёпот.

Не громкий и не явный — он словно скользнул по поверхности его сознания, оценил, тронул осторожно, будто тестируя границы. Шёпот не имел голоса, пола, направления. Он был просто... фактом. Присутствием. Наблюдением. Чужой мыслью, которая не требовала слов, чтобы быть узнанной.

Шёпот был тихий. Вкрадчивый. Слишком близкий.

Помоги мне. Иди сюда. Пожалуйста...

Лёша вздрогнул. Шёпот звучал так, будто произносился не языком, а мыслью. И чем отчётливее он становился, тем сильнее Саша билась в своей агонии — словно именно этот голос терзал её разум, впиваясь в него когтями.

И в этот момент Лёша понял: страх, что он чувствовал до этого, был ничто.

— Что происходит... — выдохнул он, оглядываясь. — Что за шёпот?..

Шёпот не был слышимым. Он проникал напрямую в сознание, минуя уши, скользя по извилинам и трещинам памяти, перекрывая собственные мысли. Каждое слово было не сло-

вом, а требованием, которое не просило — оно командовало. Лёша ощутил, как его разум дрожит, словно тонкий лёд над бездной, готовый в любой момент треснуть.

Саша вдруг остановилась. Внезапно, словно оглушённая электрическим током, она замерла. А потом, медленно, бесстрастно, поднялась. Её тело двигалось без малейшего сопротивления, словно было всего лишь инструментом, ожившим под чужим управлением. И она двинулась прямо в сторону битвы, к месту, где сталкивались Альвион и Грисумбра.

— Стой! Куда ты?! — крик вырвался из Лёши, горький и панический, но он почти растворился в шёпote, который теперь сжимал разум, как железные клещи.

Он бросился за ней и схватил за руку, надеясь вернуть хоть крупицу контроля, но её тело было не её собственным. Она развернулась с такой силой, что удар кулака в его лицо оглушил, заставил землю дрогнуть перед глазами. Боль взорвалась, красная и оглушающая, но была не главное — главное было пустое, бессмысленное сияние в её глазах.

Она не обернулась, не оглянулась. Ни слова. Ни намёка на сознательное действие. Только холодная пустота и движение, ведомое кем-то, кто жил внутри её головы и направлял её, как марионетку.

Лёша стоял ошеломлённый, ощущая чужое присутствие, которое давило, пронизывало и управляло. Её будто загипнотизировал... этот голос... — мысль возникла как тёмная вспышка. Но это было слабое слово среди того, что шепот навязывал прямо в сознание: он видел её не как человека, а как сосуд, пустой и чужой. И это знание сковало его сердце.

Каждое движение Саша было слишком точным, слишком чужим, чтобы быть её собственным. А шёпот... он продолжал тихо скользить по голове Лёши, оставляя после себя ощущение, что разум может быть взят, что никто не свободен здесь.

Лёша бросился вперёд, но каждый шаг давался с невыносимой, почти физической болью. Сломанная нога словно отказывалась подчиняться, каждая попытка опереться на неё отзывалась острым, пронзающим жжением, которое разливалось от бедра до пальцев ноги, словно по живой линии. Мышцы подкашивались, дрожь пробегала по всему телу, а дыхание сбивалось, превращаясь в короткие, резкие всхлипы. Даже простое движение казалось подвигом: согнуть ногу, перенести вес, сделать шаг — всё давалось колоссальной ценой.

Он перегнал Сашу и на мгновение остановился, чтобы взглянуть на её пустой, чужой взгляд. В этом взгляде не было ни страха, ни разума, только холодная пустота, которая пробирала до костей. Ударить её казалось невозможным — тело сжималось от сопротивления, разум протестовал, словно запрещая причинять ей вред. Каждая клетка кричала: «Не делай этого!» Но выбора не было. Шёпот продолжал тянуть её к опасности, к месту, где могли уничтожить их обоих мгновенно.

Собрав последние крупицы силы, Лёша сделал решительный рывок. Его руки, дрожащие от усталости, нашли точку, и он нанес удар в шею. Саша обмякла, словно вся жизнь покинула её тело, и рухнула ему на руки. Тяжесть её тела была почти невыносимой, но больше, чем вес, давило ощущение ответственности и ужаса: он был вынужден силой прервать её движение, чтобы спасти их обоих.

Лёша сглотнул, ощущая вкус крови и пота во рту, и попытался подняться. Сломанная нога протестовала с новой силой, каждая клетка кричала, отдаваясь волной боли, которая прокатывалась по спине, плечам, рукам. Тело трясло от усталости, мышцы стонали, дыхание рвалось на куски. Он сделал шаг — другой, но нога почти не слушалась, и казалось, что любое движение может стать последним.

Каждый новый рывок давался с усилием, которое можно было бы назвать чудовищным. Лёша чувствовал, как боль пронизывает каждую жилку, каждый нерв, как будто весь лес, все ветки, земля и воздух давят на него одновременно. Но в его сознании жила единственная мысль, как яркий, болезненный огонь: он должен довести Сашу до города, даже если это потребует последней капли сил и воли.

Лёша наклонился к ней, поднять её полностью на руки он не мог — нога почти не слушалась, каждая попытка согнуть её резала болью, мышцы дрожали от истощения. Он сжал зубы и осторожно подхватил её за плечи, направляя к земле, чтобы та слегка касалась земли ногами. Она была почти без сознания, тело тяжело обвисло, и Лёша понял, что любая ошибка может стоить им жизни.

Он сделал первый шаг — нога словно превратилась в свинец, каждое движение отдавалось ударом по спине и коленям. Саша скользила вперед, слегка помогая руками, но её сила была едва заметной. Лёша едва держал равновесие, каждую секунду рискуя упасть.

Когда нога больше не слушалась, он присел на землю, удерживая Сашу на коленях. Сердце билось так, что казалось, оно вот-вот выскочит из груди, дыхание было прерывистым, а руки стонали от напряжения. Он перевёл её немного вперед, потом снова сделал попытку встать, с трудом опираясь на сломанную конечность.

Так они продвигались по лесу: маленькие рывки, короткие паузы, боль, усталость и отчаяние. Каждый сантиметр давался с нечеловеческим усилием, но выбора не было. Лёша знал, что если они останутся слишком надолго — битва, магия, шёпот — всё поглотит их мгновенно.

Каждый рывок стоил Лёше слишком дорого, но в голове была одна мысль, сильнее боли и усталости: он должен довести Сашу до города. И несмотря на весь ужас, истощение и почти полное бессилие, он продолжал двигаться.

Грохот битвы усиливался, и каждый удар магии отзывался в земле тяжёлой, глухой вибрацией. Лёша знал: чем ближе они к городу, тем выше вероятность, что их сметёт вместе с лесом, с каждым деревом, с каждым кустом.

Он попытался идти быстрее, но ноги предали его. Сломанная конечность не слушалась, мышцы отказывались работать, словно окаменевшие, а каждая попытка подняться вызывала невыносимую, пронзающую боль, которая разливалась по спине и грудной клетке. Он рухнул на землю, едва удержав Сашу, чтобы она не ударилась. Тяжесть её тела казалась невыносимой, будто она была сделана из свинца, и Лёша чувствовал, как с каждой секундой его силы утекают, оставляя лишь пустоту и острую боль.

Попытка подняться снова обернулась лишь катастрофой: мышцы не слушались, дыхание сбивалось, голова кружилась, а мир вокруг рассыпался на глухие всполохи света и звука. Он ощутил, как тело пронизывает ледяное онемение, каждый нерв словно кричит от усталости, а боль вплелась в каждую клетку. Казалось, что весь мир сдавливает его, давит изнутри и снаружи одновременно, оставляя лишь одно — безысходность.

Он лежал, пытаясь схватиться хоть за что-то, что могло бы дать опору, но вокруг был лишь лес, шевелившийся и дышавший, чуждый и враждебный. С каждым новым глухим раскатом магии он понимал: шансов у них нет. Ни силы, ни времени, ни пути назад. Всё, что оставалось, — это страх, холодный и глухой, как тьма, что окутывает сознание.

И в этой тьме Лёша почувствовал, что он почти один. Саша без сознания, тело тяжкое и неподатливое, а до города ещё целая вечность. Каждое движение давалось с чудовищным усилием, и мысль о спасении казалась теперь почти невозможной — как дотянуть руку до обрыва, когда под ногами нет опоры.

Впервые за долгое время он позволил себе подумать: я не справлюсь.

Звук далёкого удара прокатился по земле.

Я не смог защитить Валеру. Не смог предотвратить смерть Виктора... я загнан в угол. Сдаться сейчас... будет верным решением. Ведь так?.. Саша без сознания... а я полуживой... до города ещё очень долго, у меня нет и шанса.

Он попытался подняться ещё раз. Попытка была резкой, отчаянной, как бросок в пропасть без страховки. Но тело предало его: мышцы сжались, словно закалённый металл, колени подкосились, а каждая клетка кричала от боли. Перед глазами тут же потемнело, мир завер-

телся, словно его втягивали в вихрь, где нет ни опоры, ни воздуха. Сердце билось слишком быстро, а дыхание рвалось короткими взрывами, не успевая наполнить лёгкие.

Сознание оборвалось. Всё вокруг растворилось в густой тьме, где не было ни боли, ни движения, ни надежды — лишь пустота, холодная и непреклонная. И в этой пустоте Лёша почувствовал одновременно и страх, и странное облегчение: страх, что он не сможет спасти Сашу, и облегчение, что наконец можно сдаться... но это сдавшееся «я» внутри шептало, что где-то там, за этим черным занавесом, ещё есть шанс, пусть и мизерный.

Когда он открыл глаза, перед ним растянулся лес — тёмный, густой и неприветливый, но вместе с тем странно спокойный, будто весь мир замер в ожидании. Туман стелился по земле, мягкий и плотный, скрывая под собой корни и упавшие ветки, словно укрывая их от посторонних глаз. Воздух был густой, прохладный, с запахом сырой земли и хвои, но от этого не появлялось привычного тревожного напряжения — напротив, лёгкость скользила по телу Лёши, мягкая, почти обманчивая, от которой становилось не по себе.

Между высокими деревьями не было ни света, ни звука — только слабое колыхание тумана, словно лес дышал медленно, почти незаметно. Каждый шаг отдавался пустотой: земля под ногами была мягкой, почти как губка, и казалось, что она поглощает звуки его движений, лишая их эха. Лёша встал, чувствуя необычайное облегчение: боли не было, ноги слушались идеально, никакой тяжести, никакой усталости, никакого страха. Всё привычное исчезло, и осталась только эта странная лёгкость, словно он шагнул в иной мир.

Он сделал первый шаг вперёд, не зная, куда идти, но чувствуя, что движение — единственное правильное решение. Шаги звучали тихо, едва слышно, и каждое движение тела казалось одновременно привычным и чуждым. Внутри росло странное ощущение — будто лес наблюдает за ним, молча оценивает каждый вздох, каждую мысль.

Через пару минут тишину нарушил шорох. Он обернулся. Между деревьями стояла девочка. Лет шести или семи, маленькая, хрупкая, но её присутствие было одновременно невероятно живым и жутким. Она стояла, неподвижная, с широко раскрытыми глазами, в которых не было привычного детского любопытства или удивления. В её взгляде было что-то... неправильное. Словно она видела не его, а то, что скрыто от глаз обычного человека; словно её взгляд проникал в глубины, куда не должна заглядывать душа.

Девочка не шевелилась, но лес вокруг неё казался другим: туман сгущался, ветви деревьев слегка наклонились к ней, словно прислушиваясь. Её дыхание было почти незаметным, а тишина вокруг — неестественной, густой, плотной, давящей на грудь Лёши. Каждое мгновение растягивалось; он ощущал, как его собственные мысли замедляются, как пульс колеблется в такт с этим странным лесом.

И тогда он понял: она не просто стоит здесь. Она принадлежит этому месту. Её взгляд был не просто неправильным — он был чужим, чуждым, как будто частица чего-то древнего и запретного проникла в неё и смотрела на него сквозь детское лицо.

Что ты здесь делаешь?..

Он хотел спросить, но горло будто застывало, слова не выходили. Любая попытка произнести звук ломалась внутри, обрывалась, оставляя лишь безмолвие.

Девочка вдруг резко развернулась и побежала вперёд. Лёша бросился за ней, но лес, казалось, растягивался до бесконечности: деревья сгущались, туман клубился вокруг, а каждый шаг отдавался гулким, пустым эхом, будто сам воздух сопротивлялся движению.

Лёша догнал край густой чащи, заглянув за толстый ствол дерева — и остановился, словно всё внутри замерло.

Подойдя ближе, он увидел её — маленькую, хрупкую, но уже беззащитную. Девочка лежала в глубокой яме, словно провалившаяся в самую пасть земли. Острые колья пронзили её тело, выступали сквозь грудь, живот, руки. Кровь стекала в тёмные трещины ямы, смешиваясь с грязью, и воздух вокруг дрожал от тишины, полной боли.

Её глаза были широко раскрыты — не живые, не совсем мёртвые, а странно пустые, с лёгким, холодным блеском, словно отражающие саму смерть. В них не было ни страха, ни боли, ни надежды — только немой, непроглядный ужас, который разрывал на части душу любого, кто смотрел.

Лёша замер. Сердце разрывалось, но тело не слушалось. Он хотел кричать, пытался крикнуть её имя, бежать, вырвать её из этой ямы — но каждый шаг давался с трудом, словно он сам погружался в вязкую, ледяную смолу. Страх сжимал грудь, сковывал горло, блокировал разум.

Он видел каждую деталь — маленькие пальцы, изогнутые в неестественной боли; волосы, пропитанные кровью и грязью; выражение лица, которое не принадлежало ни живому, ни мёртвому. Оно было чужим, но жило в его сознании, словно въевшись туда навсегда.

И тогда, в этой тишине, до боли реальной и невозможной, Лёша понял: он снова потерял кого-то, кого должен был защитить. И снова оказался беспомощным. Каждая клетка его тела кричала, сердце готово было разорваться, а разум колебался между отчаянием и яростью.

Я... снова не смог защитить. Даже её. Я не смог... защитить. Всех, кого я пытался спасти или защитить... умирали.

Эта мысль сдавила его сильнее, чем любая боль.

— Ты убил эту девочку?

Голос прозвучал тихо, почти спокойно, но в его спокойствии таилась ледяная угроза. Лёша резко обернулся — вокруг никого не было. Деревья стояли неподвижно, туман медленно стелился по земле, и казалось, что каждый звук отражается в нём несколько раз, будто лес сам повторял слова.

Но ощущение присутствия не покидало его. Оно было словно плотная тьма, скользящая вдоль его спины, холодная, но невесомая. Лёша почувствовал, как воздух вокруг будто сжимается, давит на грудь, а лёгкие сопротивляются дыханию. Внезапно показалось, что кто-то стоит прямо за ним, но невозможно было увидеть ни силуэт, ни тень — только ощущение взглядов, пронизывающих до костей.

Внутри головы застучало что-то холодное и чуждое, словно кто-то — невидимый, но совсем рядом — скользнул через мысли, обшарил воспоминания, почувствовал страх. Лёша понял: этот голос не принадлежал обычному человеку. Он исходил из существа, способного существовать там, где не должно быть живого, и при этом влиять на разум без прикосновения.

Он попытался заговорить — шёпот в голове усилился. Казалось, голос буквально скользит по стенкам черепа, проникает в каждую клетку и одновременно остаётся за пределами реальности. Холодный, спокойный, но опасный. Лёша ощущал, что это существо знало о нём всё, видело всё, что он пытался скрыть от самого себя, и при этом играло с ним, как кошка с мышью.

И хотя вокруг никого не было, Лёша чётко почувствовал лёгкое движение воздуха у себя за спиной — как будто кто-то сделал шаг. Он не видел силуэта, но его тело инстинктивно напряглось: каждое чувство кричало, что это существо близко, сильнее всего, что он когда-либо встречал.

— Нет. Я не убивал её. Я пытался...

— Пытался что? — перебил голос, тихо, но каждый звук отозвался в груди тяжёлым ударом.

— Пытался спасти. Я шёл за ней... надеясь догнать. Надеюсь защитить.

— Ты думал о себе? — голос стал ближе, словно скользнул по самому позвоночнику. — Как ты мог защитить ребёнка там, где сам едва держался на ногах?

— У меня... не было выбора. Я делал то, что должен был.

Наступила пауза, но она была не пустотой — она давила, сжимала грудь, затягивала каждую мысль в череду вопросов и сомнений. И вдруг голос снова прозвучал, мягче, почти тихо:

— Ты спасатель, парень?

— Нет. Но я обязан был хотя бы попытаться.

Тишина снова накрыла лес. Он ожидал ощутить тяжесть чужого присутствия, но вместо этого почувствовал странную лёгкость: как будто лес сам подхватил его дыхание и дал возможность перевести дух. И хотя это ощущение было зыбким и неустойчивым, оно дало крошечную искру — намёк на то, что не всё потеряно.

Но прежде чем Лёша успел понять это, земля под ногами дрогнула. Сначала едва заметно, потом всё сильнее, как если бы сама реальность разламывалась. Он споткнулся, попытался ухватиться за что-то, но под ним зияла пустота.

Он провалился в темноту. Сердце подпрыгнуло, глотка сжалась, а в глазах вспыхнула последняя искра сознания. И среди бездны, холодной и полной страха, он почувствовал лёгкое касание — едва заметное, но настоящее, словно кто-то протянул руку, предлагая удержаться.

И тогда он понял: даже здесь, в этом безмолвном мраке, где казалось, что всё потеряно, есть шанс. Маленькая, почти незаметная надежда. Она была слабой, но она была.

Глава 24.1 Этот вид я не забуду никогда

Я была рядом с Лё, когда начала слышать это. Мы бежали из леса, в сторону города. Он почувствовал опасность и разбудил меня.

В один момент я начала слышать странный шёпот, он звал меня на помощь. Но он был в стороне, где бились насмерть те странные существа, от вида которых у меня пробирают мурашки.

Внезапно я начала чувствовать боль. Голова раскалывалась изнутри, словно кто-то водил по ней невидимым ножом, но ни один нерв не мог вырваться. Я пыталась кричать, но голос не подчинялся — и тогда поняла: это не совсем я кричу. Кто-то или что-то берёт мои звуки, тянет их наружу и скручивает в вопль, которого не могло быть.

Мир вокруг меня дрожал, хотя я не чувствовала земли под ногами. Каждое дерево казалось живым, наблюдающим, каждое движение воздуха — сигналом опасности. И в этой дрожащей тишине возникли лица — фрагменты прошлого, смятые и странно чужие. Я видела себя ребёнком, но чужим взглядом: глаза, полные удивления и страха, руки, пытающиеся схватить что-то недосыгаемое. Лёша... его фигура мелькала там, но не как человек, а как тень, которую я знала и боялась одновременно.

Я шла сама, но не своей волей. Нога за ногой, шаги давались с чужой точностью, будто внутри меня кто-то расставлял приоритеты. Страх смешался с холодной ясностью: если я откажусь, всё кончено. Не для меня, а для нас. Я пыталась сопротивляться, но попытки были четны, как ветер перед бурей.

И тогда я увидела её. Девочку. Маленькую, изломанную, но с глазами, которые кричали не словами, а пустотой. Я знала, что она не может быть здесь, что это невозможно. Но память возвращалась сама: заброшенный дом, крик, который я успела услышать... все фрагменты прошлого и настоящего слились воедино.

Эти воспоминания давили мне на самое больное: сострадание. Это случилось в детстве, мне было около тринадцати лет. Я встретила эту девочку у нас во дворе, она помахала мне, подзывая к себе, и начала бежать. Из детского любопытства, я побежала за ней.

Мы бежали долго, но пока бежала, заметила странную вещь: вокруг, в городе, не было ни одной машины на дороге, и людей тоже.

Но я старалась не обращать внимание, и хотела догнать эту девочку. Она забежала в лес, и я пошла за ней. На улице уже было темно, я побоялась заблудиться, поэтому взяла из кармана несколько белых резинок для волос, и начала развешивать их по деревьям, пока бежала.

Мне стало очень страшно, ведь мы были далеко в лесу. Одни. Беззащитные. Но я продолжала бежать за ней.

Позже, она остановилась у какого-то здания. Я остановилась и у меня началась сильная отдышка. Я обратила внимание на девочку. Но она пропала. Я осмотрела весь лес взглядом, но так и не нашла её.

— Девочка! Ты где? — Начала кричать я, в надежде на ответ.

Я подумала, что она вошла в этот дом. Я долго думала, стоит ли мне пойти внутрь дома, или же лучше уйти. Я приняла решение уйти, и как только пошла по тем резинкам, со стороны того самого дома я услышала дикий крик.

Это та девочка? — подумала я, и начала паниковать. В срочном порядке я забежала в этот дом, ни о чём не задумываясь. И как же я жалею, что сделала это.

Перед собой я увидела расчленённый труп этой девочки. Её голова лежала на печи, а глаза были широко раскрыты, напоминая смерть.

Все части тела были разбросаны по дому, светом была практически сожжённая свеча. Описать мой ужас тогда — было невозможно. Меня стошнило, я почти потеряла сознание.

Ели выбежав из дома, я побежала обратно, глядя на резинки. Тот вид я не забуду никогда. Это сломало мою психику, я начала бредить. Мне начинало казаться, что за мной кто-то бежит.

Я помню только то, что споткнулась, и потеряла сознание, очнувшись уже в машине скорой помощи. На меня смотрела заплаканная мать, но я не подавала виду, что очнулась. Я хотела подслушать их разговоры.

— С ней всё будет в порядке, Марин. Не переживай. — Это был папа.

— Почему она вообще оказалась там... и как ты нашёл её, Вить?

Виктор немного помолчал, и затем сказал:

— Неважно. Главное, что нашёл.

В машине пахло больницей, я всегда ненавидела этот запах. Я поняла, что больше никогда не смогу забыть ту девочку. И вот, сейчас я вспомнила о ней.

Её искажённое лицо из-за тусклого освещения, кровь, стекающая с печи. Я не спала ночами, не могла выбросить этот вид из головы.

Мир вокруг дрожал, а я не чувствовала ни земли, ни воздуха. Шёпот всё сильнее тянул меня к себе, я пыталась сопротивляться, кричать — но голос не подчинялся. Мои руки двигались сами, шаги шли не моей волей. Страх и боль переплелись так густо, что я почти перестала понимать, где я, а где воспоминания.

И тогда всё сжалось, резко, как будто кто-то оборвал нить. Сила вырвала меня из кошмара. Я почувствовала удар по плечу, резкий, но твёрдый — Лёша. Я слышала только шум и вибрацию вокруг, но сознание уже не держало контроль. Тело упало, ноги отказались слушаться. И всё потемнело.

В темноте я ощущала только присутствие Лёши рядом и тяжесть собственного тела. Страх, шёпот, ужас прошлого — всё ушло на второй план, растворилось в пустоте сознания. Я почти не понимала, где кошмар, а где реальность. Но в глубине оставалась лёгкая искра — чувство, что мы всё ещё живы, что кто-то рядом защищает.

И тогда наступила тьма.

Глава 25. Погрешность

Лёша лежал на холодной земле, и холод этот был не просто ощущением кожи — он проникал глубже, словно сама почва медленно втягивала его в себя. Камни под спиной давили, но боли почти не было. Тело ощущалось чужим, размытым, будто его границы стерлись, а плоть стала чем-то вторичным, необязательным. Осталась только тьма — густая, вязкая, обволакивающая, как тёплая смола.

Покой был. Настоящий. Слишком настоящий, чтобы быть честным. Он держался на тонкой грани, и Лёша чувствовал: стоит сделать одно движение, одну мысль — и всё рухнет.

Сознание возвращалось рывками.

Воспоминания не приходили — они вонзались.

Лица вспыхивали резко, без переходов. Искажённые криком рты. Глаза, полные ужаса и непонимания. Треск веток под ногами. Тупая, влажная тяжесть удара, когда что-то внутри другого человека ломается навсегда. Он не видел крови — но чувствовал её запах, металлический, въедливый, будто он впитался в лёгкие и остался там навсегда.

Страх не накрывал волной. Он висел.

Как лёд в тумане — прозрачный, острый, медленный.

Я не могу чувствовать так, как раньше, — мысль возникла сама, без эмоций, как сухой факт.

Эти силы не просто калечат тело. Они стирают меня как человека.

Он попытался вспомнить, каким был раньше. Не получилось. Образы распадались, будто принадлежали кому-то другому. Человеческое — тепло, сомнение, жалость — утекало, растворялось в этой тьме, становилось чем-то далёким и ненужным.

Но одно имя удерживало его.

Саша.

Её лицо возникло слишком чётко — и от этого стало больно. Не физически. Где-то глубже, там, где раньше было сердце. Крик. Резкое движение. Падение, которое он не успел остановить. И удар — его собственный. Ошибка, ставшая точкой невозврата. Но ошибка ли?

Тело дрогнуло, словно хотело сжаться, исчезнуть, но разум остался холодным, собранным. Он видел цепочку событий без оправданий: мужчина в лесу, девочка в яме, он сам — сломанный, почти мёртвый, загнанный, как зверь. Это не было судьбой. Это была западня, и каждый шаг в ней он делал сам.

Лес вокруг был тёмнее не из-за отсутствия света.

Тьма здесь была иной — древней, плотной, живой. Она не просто окружала — она наблюдала. Между стволами что-то шевелилось, не имея формы, и Лёша вдруг понял: если он закроет глаза, она не исчезнет. Она станет ближе.

И тогда он услышал их.

Два голоса. Не внутри головы — глубже. Там, где сама реальность натянута, как гнилая ткань.

Один — хриплый, изломанный, будто прошедший через века боли и утрат. В нём была усталость, тяжёлая и давящая, как груз мёртвых эпох.

Другой — пустой. Лишённый интонаций. Холодный настолько, что от него внутри что-то немело, будто сама мысль о жизни была для него бессмысленной ошибкой.

Лёша вспомнил их сразу. Не потому что хотел — потому что не мог забыть.

Это были не просто существа. Не просто источники магии. Их слова не звучали — они вдавливались в мир, заставляя воздух вибрировать, а землю под ним едва заметно дрожать. Казалось, если они заговорят громче, лес рассыплется, как гниль под сапогом.

Он не был для них собеседником. Не был избранным. Даже не был фигурой.

Он был движением пыли, случайным колебанием. Муравьём, которого можно раздавить, даже не заметив — или оставить жить, просто потому что не имеет значения.

И от этого было страшнее всего.

— Смотри, как течёт время, — произнёс Альвион, голос его звучал словно сотни лет, наполненный холодной мудростью. — Мы наблюдаем, и всё, что ты называешь жизнью, лишь вспышка в океане вечности.

— И что ты видишь? — хриплый, но точный голос Грисумбры резал пространство, как древнее клинковое прорезание. — Ты называешь это светом, а я — серым туманом, и всё же мы глядим на одно и то же. Мир терпит, мир горит, и нет различий между тем, кто страдает, и тем, кто наблюдает.

— Различие есть, — тихо ответил Альвион. — Не в смертях, не в боли, но в том, кто помнит и кто выбирает. Мы — хранители, и свидетели. Ты стремишься разрушить, я — удержать. Но разве суть отличается? Вечная дилемма, что рождается с первыми вздохами мироздания.

— Дилемма? — Грисумбра усмехнулся, но смех был беззвучным, пустым. — Мыслишь категориями смертных. Нет у нас дилемм. Есть лишь баланс, и мы — инструмент этого баланса. Сила, что течёт через время, не спрашивает о правде или лжи, о добре или зле. Она просто есть. И кто остановит её, кроме самой вечности?

Тогда кто ты, Грисумбра? — тихо, почти шёпотом, промелькнул Лёша в своей голове. — Что значит быть вечным?

Голос Альвиона вторгся, мягкий и бесконечно далекий:

— Быть вечным — это наблюдать. Безмолвно, спокойно. Видеть, как мир теряет свои формы, как существа приходят и уходят. И понимать: всё — иллюзия формы, а истина — лишь движение, неизменное и равное для всех.

— А я? — Грисумбра, холодный, острый, почти злой в своей бесконечности, ответил так, что Лёша почувствовал дрожь в костях: — Ты не вечен. Ты — краток. Но твоя краткость — твоя сила. Я мог бы сломать тебя, но зачем? Сила без цели — лишь эхо пустоты. Ты — инструмент, и через твоё движение течёт наша воля.

Слова Грисумбры не закончились — они осели.

Лёша не сразу понял, что перестал дышать. Грудь была сжата, будто на неё положили каменную плиту. Воздух существовал, но тело забыло, как его втягивать. Каждый вдох приходилось вырывать силой, и от этого в горле возникал сухой, царапающий жар.

Дрожь прошла по костям — не мышечная, не от холода. Казалось, сами кости откликнулись на голос, как струны, по которым провели ржавым ногтем. Зубы сжались до боли, челюсть свело, и на мгновение ему показалось, что она треснет.

Тьма внутри шевельнулась.

Она не вырывалась — наоборот, прижалась к нему, как что-то родное, но чужое одновременно. Словно его собственное тело узнало этот голос раньше разума и приняло его без сопротивления. От этого стало тошно. Не от страха — от понимания.

Инструмент.

Слово не звучало, но отпечаталось где-то под рёбрами. Там, где раньше было ощущение «я». Теперь там была пустота, аккуратно вырезанная, ровная, как след от хирургического скальпеля. Лёша попытался удержаться за мысль, за имя, за память — и почувствовал, как они скользят, не находя опоры.

Пальцы дёрнулись, судорожно вцепившись в землю. Почва была влажной, холодной, липкой. Грязь забилась под ногти, но это помогло — боль была настоящей, земной. Он зацепился за неё, как утопающий за щепку.

Сердце билось неровно. Один удар — слишком сильный. Второй — будто пропущенный. Между ними возникала пугающая пауза, и в эти доли секунды Лёша был уверен: если сердце решит остановиться, никто не станет мешать.

В голове не было паники. Это пугало больше всего.

Была ясность. Холодная, беспощадная. Он понял: его можно сломать в любой момент. Не усилием — желанием. И если этого не происходит, то не из жалости и не из интереса. Просто потому, что он пока нужен.

Мысль не вызвала протеста. Только тяжёлую, и липкую пустоту.

Где-то глубоко, на самом дне, вспыхнуло слабое, почти унижительное чувство — не гнев, не надежда. Желание не исчезнуть сразу. Остаться движущимся. Хоть чем-то.

Лёша закрыл глаза, но тьма не изменилась. Она была внутри. И она слушала.

— И всё же... — Альвион продолжил, словно читая его мысли, — есть момент, когда выбор смертного важнее тысяч лет. Когда один шаг может изменить течение рек вечности. Не для нас, но для того, кто живёт и чувствует.

— Именно так, — сказал Грисумбра, холодный, строгий. — И этот шаг мы наблюдаем. В нём — свет и тьма, страх и надежда. Ибо в смертных решениях кроется искра вечности, а она — самое хрупкое, что есть в мире.

Лёша ощутил, как эта беседа проникает в него, как древние законы мира обвивают разум, сжимают грудь и расширяют сознание одновременно. И даже в своей слабости, даже с болью и страхом, он понял: решение, которое он примет, будет иметь вес, как ни одно слово духов.

— Но ты слишком говоришь о законах, — тихо сказал голос, который Лёша едва уловил как отдельное присутствие, и его сознание дрогнуло. — Законы — лишь тени, скользящие по стенам мира, пока истинная власть спит под ними.

Альвион напрягся, словно почувствовал вибрацию чуждой силы.

— Кто... кто произносит это? — его голос дрожал, но не страхом, а удивлением. — Это... Грисумбра?

— Нет, — ответ последовал медленно, как раскаты древнего времени. — Я не Грисумбра. Он лишь был моим помощником в этом деле. Я — Нэксаэль.

Слова разорвали невидимую ткань понимания. Альвион почувствовал, как сама сущность мира сжалась вокруг него, оцепенела.

— Нэксаэль... — прошептал он, а свет его присутствия дрогнул. — Ты... ты нарушаешь порядок. Ты...

— Я восстанавливаю то, что по праву было моим задолго до вашего прихода, — прервал его Нэксаэль, без злобы, но с неумолимой властью. — Ты видишь лишь потоки света и тьмы, думаешь, что следишь за судьбами смертных. А на самом деле ты наблюдал... лишь тень того, что я творил тысячелетия назад.

— Но... — Альвион попытался возразить, но слова застряли. — Печати! Баланс!

— Печати, — эхом повторил Нэксаэль, — всего лишь тишина, которую оставили слабые. Баланс — иллюзия для тех, кто не готов встретиться с вечностью лицом к лицу. И теперь, когда я стою перед тобой... твоя роль завершена.

Альвион отступил мысленно, ощущая, что разум начинает сопротивляться. Сила, которую он считал чуждой, теперь проникала в его сущность, измеряя, оценивая.

— Уйди, Альвион, — сказал Нэксаэль мягко, но каждое слово звенело, словно заклинание. — Не мешай мне вернуть себе тело и власть, что были отняты временем и страхом.

— Я... я не могу позволить... — прошептал Альвион, но сам осознал, что противостоит не Грисумбре, а древнему, древнему существу, что существует вне любого закона, вне любых решений смертных и бессмертных.

— Ты был зрителем, — сказал Нэксаэль, — и теперь твой долг — отойти. Смотри, наблюдай, но не вмешивайся. Всё, что ты знал о Грисумбре, было лишь частью моего пути. Я пришёл, чтобы завершить его... и начать своё.

Зритель, долг и часть пути. Всё это время Грисумбра был сосудом для Нэксаэля? Как я для Грисумбры? — Подумал Лёша.

Мысль не вызвала ни ужаса, ни протеста. Она была слишком велика, слишком далека, чтобы зацепить эмоцию. Лёша просто принял её — так же, как принимают холод или темноту: не потому что согласны, а потому что сопротивление не имеет формы и смысла.

Если Грисумбра был сосудом...

то кто тогда я?..

Это осознание не резало и не жгло. Оно стёрло. Как будто из него аккуратно вынули нечто важное, не оставив раны, только ровную пустоту. Быть ничем оказалось проще, чем быть кем-то.

Он попытался вдохнуть глубже. Лёгкие отозвались тупой, вязкой болью, словно внутри них была вода, а не воздух. Каждый вдох давался с усилием, каждый выдох казался лишним. Тело лежало в грязи — холодной, влажной, липкой — и это ощущение было единственным, что ещё можно было назвать своим.

Пальцы медленно разжались. В грязи остались неглубокие следы, и Лёша почему-то подумал, что они исчезнут первыми. Дождь смоев их, земля сомкнётся — и будто его здесь никогда не было.

Голоса не давили. Они просто существовали.

Смыслы проходили сквозь него, не задерживаясь, как вода через трещины в камне. Он не удерживал их и не пытался понять полностью. Понимание требовало «я», а оно становилось всё тоньше, всё слабее, словно стиралось медленным, терпеливым движением.

Вечность была рядом — не как угроза, и не как обещание. Она казалась фоном. Как шум, к которому привыкают и перестают замечать. И на этом фоне его жизнь ощущалась короткой, почти смешной паузой.

Лёша моргнув. Мир не изменился.

Тьма осталась. Холод остался. Тело всё ещё лежало в грязи. И в этом была странная, тяжёлая устойчивость. Пока он чувствует землю под собой — он существует. Не как значение. Не как сосуд. Просто как точка, в которую ещё не перестали смотреть.

И этого оказалось достаточно, чтобы не исчезнуть прямо сейчас.

— Ты слышишь? — равнодушно произнёс Нэксаэль, не обращаясь к нему напрямую. Его голос прошёл сквозь сознание Лёши, как тень от облака. — Забавно. Даже сейчас он думает, что присутствует в разговоре.

Альвион не ответил сразу. Свет его присутствия был напряжён, сжат.

— Он жив, — сказал он наконец. — И он чувствует.

— Муравей тоже чувствует, когда на него падает песок, — спокойно отозвался Нэксаэль. — Но ты ведь не называешь это участием в буре.

Слова не были направлены на Лёшу, но каждое из них проходило через него, как сквозь пустоту. Он понял — не умом, не логикой, а каким-то оголённым остатком сознания: его не оценивают, не взвешивают, не испытывают.

Его просто не считают.

— Он — шум, — продолжил Нэксаэль. — Следствие. Побочный эффект старых решений. Ты видишь в нём момент, я — лишь пыль, поднятую движением более крупных тел.

Лёша попытался пошевелиться. Не потому что хотел вмешаться — потому что тело ещё не сдалось. Пальцы дёрнулись, царапнув землю. Это движение не вызвало реакции. Ни один из голосов не замолчал.

— И всё же ты здесь, — тихо сказал Альвион. — Если он настолько незначителен, почему его сознание ещё не стёрто?

— Потому что он не мешает, — ответил Нэксаэль без паузы. — Пока.

Это слово — пока — не было угрозой. В нём не чувствовалось намерения. Оно повисло в пустоте, как отметка на краю времени, как сухая пометка в бесконечном счёте, где одна строка может быть вычеркнута без объяснений.

Лёша ощущал, как тьма внутри него шевелится, но не по зову и не по приказу. Скорее — как остаточный рефлекс, как судорога у тела, которое уже не помнит, зачем оно живёт. Она не принадлежала ему и не принадлежала им. Она просто была — тёплая, вязкая, слепая.

Она поднималась не из воли, а из пустоты между ударами сердца. Из тех мгновений, когда сознание проваливалось и возвращалось с опозданием. Тьма не стремилась наружу и не пыталась защититься. Она лишь сохраняла форму, не позволяя всему окончательно распасться.

Лёша понял: для них он даже не объект наблюдения. Он — всего лишь допуск. Простая погрешность. Нечто, что пока не нарушает расчёт.

Мысль об этом не задела гордость — у неё не осталось опоры. Не вызвала ярости — для неё не было топлива. Осталась только глухая, почти механическая ясность: его существование терпят не из интереса и не из необходимости, а по той же причине, по которой не стирают пыль, если она не мешает видеть.

Голоса больше не обращались к нему напрямую. Они текли поверх, сквозь, мимо. Как будто он лежал на дне глубокой воды, а над ним проходил разговор, не рассчитанный на слух.

И всё же тьма внутри реагировала. Не на смысл — на присутствие. На давление чего-то настолько древнего, что сама реальность вокруг него казалась ослабленной, истончённой, как старая ткань.

Лёша с трудом сглотнул. Горло отозвалось сухой болью. Тело напоминало о себе короткими, бессвязными сигналами — холод, тяжесть, тупое жжение в мышцах. Простые вещи. Надёжные. Пока они есть — он здесь.

И где-то на краю этого осознания возникла странная, почти безличная мысль:

Если я всё ещё здесь — шанс на выживание есть.

Не надежда. Не вызов. Просто констатация.

Тьма внутри сжалась — не в ответ, а будто запоминая это состояние. Как сохраняют форму перед тем, как она снова станет ненужной.

— Ты слишком привязан к мелкому, — произнёс Нэксаэль, и в этот раз в его голосе прозвучала усталость. — Ты всегда был таким, Альвион. Смотришь на песчинку и называешь её судьбой.

— Иногда песчинка меняет русло реки, — сказал Альвион.

— Иногда, — ответил Нэксаэль. — Но не эта.

И в тот же миг изменилось давление.

Не стало сильнее — оно сместилось, словно сама ткань пространства выбрала иную точку опоры. То, что ещё мгновение назад удерживало форму, теперь потеряло центр, и мир вокруг Лёши едва заметно перекосялся.

Он понял это слишком поздно.

Мысли начали расходиться, теряя связь друг с другом. Не вспышкой боли, не резким ударом — медленно, беззвучно, как рассыпающийся пепел. Слова исчезали раньше, чем успевали сложиться в смысл. Воспоминания не гасли — они выскользывали, оставляя после себя ровную, и холодную пустоту.

Это было не уничтожение. Это было стиранием.

Как след на влажном песке, который ещё помнит форму, но уже не сопротивляется воде. Как имя, забытое не потому, что его вытеснили, а потому что больше никому было его произносить.

Лёша попытался удержаться за что-то простое — за ощущение земли, за холод, за тяжесть собственного тела. Но даже они начали терять очертания, будто принадлежали не ему, а лишь проходили сквозь него по инерции.

Сознание отступало, не в темноту и не в сон. Скорее — в состояние, где различия больше не имели значения. Где «быть» и «не быть» становились равными по весу.

И где-то на самом краю этого исчезающего восприятия осталось последнее, почти случайное чувство: не страх и не боль — а равнодушие мира, который уже отвернулся.

— Ты меня утомил, — произнёс Нэксаэль, всё так же не обращаясь к нему напрямую. — Убери этот шум.

Лёша попытался закричать, но звук не вышел. Грудь сжало, зрение потемнело. Он почувствовал, как что-то холодное и безличное проходит сквозь него, не задевая — как шаг через муравейник.

И именно в этот момент, на грани исчезновения, раздался голос Альвиона — резкий, нарушающий сам принцип наблюдения:

— Нет.

Одно слово. Не защита. Не оправдание.

Нарушение.

И тьма, раздавливавшая Лёшу, дрогнула — не из-за него, а потому что кто-то выше впервые вмешался.

Давление не исчезло — оно сместилось окончательно. Мир вокруг Лёши перекосялся, словно сама реальность перестала считать его точкой отсчёта. Он больше не лежал — он расплазался по ощущениям, теряя форму, имя, направление.

Сознание крошилось. Мысли не обрывались — они просто переставали доходить до конца.

Он не понял, когда начал ползти.

Колени содрали кожу о камни, ладони наполнились грязью и холодной жижей. Это движение не было попыткой спастись. Скорее — инстинкт, остаток программы тела: двигаться, пока можно.

Он видел перед собой лишь тёмное пятно земли. Лес существовал где-то условно, как декорация, которой больше не было дела до происходящего.

— Посмотри на него, — сказал Нэксаэль без интереса, словно указывая не на существо, а на дефект. — Он всё ещё шевелится.

Альвион молчал.

— Это раздражает, — продолжил Нэксаэль. — Шум должен умирать тихо.

Лёша попытался вдохнуть — и закашлялся. Горло обожгло. Вкус крови смешался с тьмой, поднимающейся изнутри, вязкой, тяжёлой. Он не понимал, откуда она течёт — из груди, из живота, из самого страха.

Каждый сантиметр давался так, словно мир сопротивлялся его существованию.

— Ты достал меня, смертный, — произнёс Нэксаэль.

И в этот раз слова наконец были обращены к нему.

Голос не был громким. Он не давил. Он отменял.

— Умри.

В момент, когда слово достигло Лёши, не было вспышки боли. Было ощущение, что его просто вычёркивают. Как ненужную строку. Как ошибку масштаба.

Сердце дёрнулось — и замерло.

И именно тогда Альвион сорвался. Это не было криком. Не было заклинанием.

Разлом.

Свет не вспыхнул — он разорвал пространство, вклинился в него, как клин между пластами бытия. Не ради Лёши. Не ради спасения. Ради того, чтобы остановить Нэксаэля хоть на мгновение.

— Я говорил тебе наблюдать, — голос Нэксаэля стал ниже, тяжелее. — Ты нарушаешь границу.

— Ты нарушил её первым, — ответил Альвион, и в его присутствии больше не было мягкости. — Ты не имеешь права действовать напрямую.

— Право, — эхом повторил Нэксаэль. — Смешное слово для тех, кто родился после меня.

Удар, последовавший за этим, не имел формы. Не свет и не тьма — смещение. Реальность дёрнулась, как натянутая ткань, и Лёшу отбросило в сторону, вглубь леса, словно щепку.

Он ударился о корень. Воздух вышибло из лёгких. Мир вспыхнул белым — и тут же погас.

Но он всё ещё был. Не потому что его пощадили. Не потому что выбрали.

Просто не успели стереть.

— Он не должен был выжить, — холодно произнёс Нэксаэль.

— Он и не выжил, — ответил Альвион. — Не так, как ты понимаешь жизнь.

Наступила пауза. Не тишина — ожидание.

— Это ничего не меняет, — наконец сказал Нэксаэль. — Шум утихнет. Сосуд будет готов. А ты... ты ещё пожалеешь о своём вмешательстве.

Давление ушло так же внезапно, как и появилось. Лес снова стал лесом. Холод — просто холодом. Лёша лежал, не в силах двигаться. Он не знал, сколько прошло времени. Возможно, мгновение. Возможно, вечность.

В голове не было мыслей. Только одно глухое, упрямое ощущение: он не должен был быть здесь. И всё же — был.

Глава 25.1 Аномалия

Я продолжал исследовать аномалию, с которой мы столкнулись, уже несколько дней подряд — без сна, без нормального отдыха, будто само время решило игнорировать моё существование. Документы, отчёты, видеозаписи — всё это лежало передо мной, но чем дольше я в них смотрел, тем меньше они напоминали научные данные и тем больше — хаотичный набор симптомов умирающего мира.

Психологи всё-таки обсудили со мной произошедшее. Целая комиссия, умные лица, заученные фразы, стандартные выводы.

«Острый стресс», «галлюцинаторный эпизод», «реакция психики на экстремальные условия».

Ни один из них даже не задал правильного вопроса.

Если они не способны увидеть очевидное — если они не чувствуют разлома, не слышат треск реальности, — то кто вообще дал им право называть себя психологами? Людями, которые якобы понимают человеческий разум?

Впрочем, сейчас это не имело значения. Их бесполезность — лишь деталь на фоне куда более серьёзной проблемы. Аномалия не исчезла.

Она распространялась.

Действовать нужно было собранно. Чётко. Быстро.

Я обязан остановить этот хаос, надвигающийся на человечество. Это не пафос, не героизм — сухой факт. Никто другой не сможет этого сделать. У них либо не хватит смелости, либо понимания, либо... решимости.

Да. Именно так.

Я поймал себя на том, что эта мысль приносит странное удовлетворение. Не гордость — нет. Скорее уверенность, граничащую с чем-то более тёмным. Я отогнал это ощущение. Не время.

В городе начали фиксироваться новые аномалии. Сводки с базы поступали одна за другой, и каждая была абсурднее предыдущей.

У некоторых оперативников тепловизоры показывали минус сто градусов в тех местах, где визуально горел огонь. Пламя колыхалось, излучало свет, но приборы утверждали, что там царит температура, при которой металл становится хрупким, а кожа мёрзнет за секунды.

GPS-датчики тоже начали сходить с ума. Координаты «прыгали», маршруты искажались, иногда система просто отказывалась запускаться, будто само пространство отвергало попытки быть измеренным.

Приборы наблюдения выходили из строя один за другим — без причины, без логики.

Это не был резкий апокалипсис, наступивший непредвиденно.

Это был медленный конец света, тихий и почти незаметный. Именно такие концы и бывают самыми опасными — когда никто не бьёт в колокола, потому что колокола перестают существовать.

И моя задача — предотвратить его.

Я уверен, что справлюсь. В одиночку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.